

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО



25 ledna 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

25-го января 1931 г.

73

25-го січня 1931 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

РІК ВИДАННЯ 4-ий



СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Константин Поляков*: Врагам! (Nepřátelům!).
2. *Я. Лопух*: Дощечки. (Destičky).
3. *В. Седов*: * * Стих. (Verše).
4. *П. Храмцов*: Смерть казака. (Smrt kozáka).
5. *Микола Оверкович*: * * Вірш. (Verše).
6. Деды и внуки. I. (Dědečkové a vnuci).
7. *П. Покотыло*: Как рассказывали Бугское Войско. (Jak ničili Buhských kozáků).
8. *П. И. Кокунько*: Наше прошлое. (Naše minulé).
9. *С. Балыков*: Восточные соседи Казачества. (Vychodní sousedé kozáků).
10. *Д. Воротынский*: Ф. Д. Крюков. (F. D. Krjukov).
11. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
13. В Казакии. (V Kozakii).
14. Разное. (Různé).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Франция. — А. И. — Получено. Журнал высылается. Привет.

Румыния. — В. Е. — Получено. Привет.

Нью-Йорк. — М. Ч. — Получено. Привет.

Detroit. — Е. Б. — Получено. Привет.

Долово. — В. Г. — Будет помещено в одном из следующих номеров. Привет.

Петроков. — М. Ф. — Получено. Привет.

Польша. — Ф. М. — Бесплатно журнал будем высылать только в особо уважительных случаях. Тем же, кто имеет возможность платить и не платит, тем безусловно высылку прекратим. Казаки достаточно много платили в чужую казну на чужое дело. Пора помогать и своему, казачьему делу.

Филадельфия. — В. Ч. — Получено. Журнал посылается. Привет.

Варшава. — А. М. — Получено. Привет.

Париж. — И. С. — Спасибо привет.

Клевеланд. — А. А. — Получено. Привет.

Казанлык. — А. В. — Получено. Привет.

Смедерево. — Я. Н. — Получено. Привет.

Казанлык. — И. У. — Просьба исполнена. Привет.

Ницца. — Н. Т. — Получено. Привет.

Румыния. — М. Г. — Таких вещей под псевдонимом поместить не можем. Привет.

Лион. — А. Л. — Получено. Привет.

Княжевац. — И. Н. — Будут напечатаны. Привет.

Вальево. — А. П. — Думаем, что все устроится. Привет.

Югославия. — А. Г. — Получено. Привет.

Бухарест. — А. М. — Большое спасибо. Привет.

Франция. — В. Ф. — Получено. Привет.

Клевеланд. — П. К. — Получено. Хорошо. Привет.

Югославия. — Я. Г. — Получено. Привет.

Франция. — А. С. — Получено. Просьба исполнена. Привет.

Болгария. — И. К. — Получено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Заечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекни. Крагеван.

П. Апостолов. Скопле.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

Г. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В ПОЛЬШЕ:

Е. В. Фесенко. W. P. Ing. V. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 11, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, rue Brunereau 53, à Cenon près Bordeaux.

В БОЛГАРИИ:

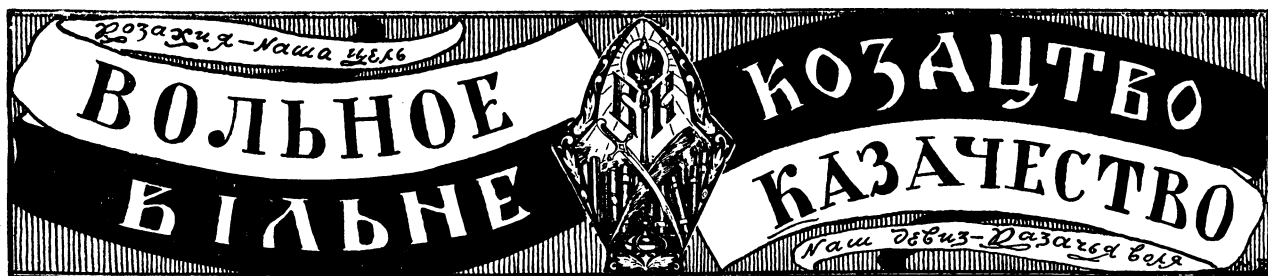
Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи - Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асень, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefrroi Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. 2287 Colnmbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).



— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.

№ 73

воскресенье, 25 января, 1931 — неділя, 25 січня, 1931.

№ 73

Константин Поляков.

Посвящается вольным казакам.

В Р А Г А М!

Я прошу Вас, оставьте в покое меня,
Вам фонтаном уродливых слов
Угасить не удастся того огня,
Что бушует в груди казаков.

Мысль о прошлом морщинами режет лоб
И в былое уходит дней темных кайма...
Да, Россия для нас — это жуткий гроб
И для воли казачьей — тюрьма.

Лишь в былое я брошу усталый свой взгляд,
Вижу слезы казачьих вдов,
И могил, и крестов бесконечный ряд...
Там остатки казачьих полков.

Они шли на защиту чьих то границ —
Дома женщины и старики —
Их, уставших в войне, как подбитых птиц
Брали русские власти в тиски.

Лишь уйдут на войну, им молебны поют,
А потом грустный плач панихиды...
И на место их новые снова идут
И несут с собой горечь обиды...

Там, в станице, осталось неубранным поле...
Что же сделают женские руки?

А мужья по какой то российской воле
В вечной службе и в долгой разлуке.

Если б можно бы было их кости собрать,
Что расбросаны в землях чужбины,
Пирамиду б им можно до неба создать
Этим детям столетней кручины..

А теперь вновь распят наш казачий народ,
Там ломают их жизнь, как игрушки...
И смеется над Волей в степях пулемет,
И хохочат российские пушки.

Тихо трогает ветер седую ковыль,
Словно хочет утешить степь в горе,
Потому что московская армия пыль
Подняла от Хопра и до моря...

А станицы в степи, будто гнезда орлов,
Разоренные злою рукою...
Там теперь даже нет деревянных крестов
Над могилами павших за Волю.

Потому то изрезан морщинами лоб
И от боли за Родину вырвется стон:
Для Свободы казачьей Россия — гроб!
И для нас она — жуткий сон.

18-I-1931.

Я. Лопух. (Болгария).

Дошечки.

(Быль).

Жара. На небе ни облачка. Тишина полная. Покрытые пылью листья на деревьях и траве не шелхнутся. Пыль по дороге лежит толщиной вершка в три-четыре. По улицам станицы Павловской ни души: все в степи на молотье; а дряхлые старики и старухи, караулящие сады от налета десятников, дремлют под тенью какой либо груши или яблони, увешанной сочными красивыми плодами, не раз привлекавшими внимание станичных хлопцев.

В станичном правлении, в „присутствии“, сидит всеми уважаемый атаман, урядник Лаврентий Степанович Быч. Высокого роста, с небольшой окладистой бородой, с умным и спокойным выражением лица, он внимательно просматривал лежащие перед ним бумаги, делая на

некоторых пометки карандашом. Своим ровным и спокойным характером, распорядительностью, тактичностью и соблюдением общественных интересов он снискал себе доверие и уважение станицы, почему и был избран на второе трехлетие.

В канцелярии сидел писарь по гражданской части Шутько, не имевший от рождения ни на руках, ни на ногах пальцев, но отлично писавший красивым почерком, и был, как говорится, делец по канцелярской части. Писарь по военной части, старик Тытаренко, с пробритым подбородком, знавший все приказы и распоряжения, относящиеся к снаряжению и обмундированию казаков с момента переселения Черноморцев на Кубань, был как раз не в духе; щеголеватый и тщатель-

но причесанный помощник писаря, два писарских ученика и дежурный урядник сидели тут же.

Все они изнемогали от жары и очень часто поглядывали на часовую стрелку, которая, как на зло, очень медленно двигалась к цифре XII. Вдруг, дремавший на парадном крыльце правления дневальный внезапно нарушил тишину, царившую в станичном правлении, громким криком: „дежурный!“

Все оторвались от бумаг, подняли головы, а дежурный, надевая на ходу папаху и оправляя портупею шашки, быстро выскочил в коридор.

— Що там таке? — спрашивает он дневального.

— Та он щось летить на тройці.

По улице, по дороге из станицы Уманской, действительно летела тройка. Две пристяжных, нагнув головы вниз и в стороны, неслись в каьер; коренной, с поднятой кверху головой, красиво загребал передними ногами; три колокольчика под дугой от быстрой езды не звонили, а как то своеобразно жужжали. Все три лошади, темногнедой масти, были наши кубанские степняки, так называемой в простонародьи „бурсаковской“ породы, к сожалению, теперь исчезнувшей.

За экипажем поднималось облако пыли, заслонявшее собою весь перспектив прямой улицы.

— Це мабуть пристав, заметил дневальный.

— Мабуть він, согласился дежурный и подошел ближе к ступенькам крыльца.

Вот уже тройка поровнялась с Бабыкинской лавкой, но аллюра не уменьшала и, казалось, что она непременно проскочит крыльцо станичного правления; однако, сильная и опытная рука ямщика сразу осадил всю тройку так, что коренник присел на задние ноги, а пристяжные, как бы прижались к оглоблям, и экипаж, сверх ожидания, остановился перед самым крыльцом правления. Пена, или, как у нас говорят, „мыло“ падало с лошадей хлопьями. И не диво! Ведь от Уманской до Павловской 35 верст и пробежать такой перегон, да в такую жару, едва ли смогли бы так называемые „кровные“, с метрическими записями своих предков.

В тарантасе сидел становой пристав типа гоголевского городничего. Дежурный подошел с рапортом.

— Атаман в правлении? спросил пристав.

— Так точно в правлении, ваше благородие!

— Вызови его сюда.

Через минуту на крыльце появился станичный атаман.

— Ты циркуляр уездного начальника и мое предписание о пожарных дощечках получил?

— Так точно получил.

— А почему не выполнил?

— Никак нет, ваше благородие, все дощечки нарисованы и розданы жителям, с приказанием прикрепить таковые на домах на случай пожара.

— Недостаточно нарисовать и раздать, необходимо наблюсти, на блюсти нужно, батенька мой, чтобы распоряжения начальства выполнялись в точности. Ты вот в станице, в своей станице сидишь и ничего не видишь, а я раз проехал по одной улице и уже заметил, что на двух избах нет дощечек. Вот что значит, батенька мой, наблюдательность. Ямщик, у кого это, братец, нет пожарных дощечек? Перетякин или Передядкин, ты называл по фамилии, вот что соломенными ставнями окна позакрыты.

— Перетятко, ваше благородие.

— Да, да, у Перетяткина нет и рядом с ним у его соседа, сюда, поближе к правлению.

— Це мабуть у Сороки, заметил дневальный.

— Вот видишь?! А ты говоришь мне, что все исполнено. Нет, батенька мой, учить вас, казаков, нужно, как служить то нужно. У меня, батенька мой, в Костромской губернии, где я служил раньше, на всякой избе были прибиты эти дощечки, как по шнурочку. Любо посмотреть было.

— Ну, так вот что, атаман. Я поеду на общественную квартиру, закушу и немножко отдохну, а ты вы-

зови этих самых лиц в станичное правление, а я на них протокол составлю за неисполнение распоряжений начальства, а мирового судья и учет их по 29-й. А на тебя, батенька мой, атаману отдела донесу за бездеятельность. Поезжай-ка, братец (обращаясь к кучеру), к общественной квартире.

Тройка тронулась. Все смотрели друг на друга с каким то недоумением.

— Ну, що ж? посылай, дежурный, верхового на степ за Перетятком та за Сорокою, прервал молчание атаман.

— Та воно, господин атаман, придется двоих посылать, бо Перетяткова царина біля Бичевої балки, а Сорочина аж на Тихенці.

— Що ж ти робитимеш? коли двоих, так і двоих. Скажи враже, як пан каже.

Минут через 15 со станичного правления выехали в разные стороны два казака.

За что это пристав кричал на Вас? — спросил атамана местный приходской священник, живший по соседству со станичным правлением.

— Да заметил, что на двух хатах не прибиты пожарные дощечки.

— Какие дощечки?

— Пожарные.

— Ничего не понимаю.

— Да видите ли, отец Григорий, уездный начальник издал циркулярное распоряжение, чтобы на каждой хате были прибиты на видном месте дощечки с нарисованными на них на одной ведро, на другой грабли, на третьей вилы, топоры, лестницы и т. п. На случай пожара каждый домохозяин должен являться на пожар с тем предметом, который нарисован у него на дощечке.

— Так, а если домохозяева у которых нарисованы, предположим, топоры, отсутствуют, тогда что? На пожар прибудут с ведрами, лестницами, а топора ни одного...

— Дело не в этом, О. Григорий, топоры есть при пожарном обозе, а дело в том, что общество израсходовало около 100 рублей на эти дощечки, да вот посланы два казака на строевых лошадях в степь за нарушителями этого бесполезного распоряжения, теперь на полдня оторвутся от работы два домохозяина с рабочими лошадьми. Это начало. А дальше? Дальше вызов двух человек в станицу Уманскую к мировому судье, да переписки по этому делу — у нас в станичном правлении, у пристава, в уездном управлении, у мирового судьи и т. д. Если перевести все это на деньги, сколько все это будет стоить? А ведь, в сущности дело, как говорится, выеденного яйца не стоит, но об этом наше начальство, как видите, и не думает, ему лишь бы дощечки были прибиты на видном месте. Вот, мол, как мы заботимся о благе народа.

Часам к 5 вечера в станичное правление явился становой пристав, где уже давно ожидали его Перетятко и Сорока.

Усевшись за письменным столом в кабинете атамана, пристав приказал позвать обоих их к себе.

— Вы получили пожарные дощечки? обратился пристав с вопросом к вошедшим казакам.

— Так точно получили, ваше благородие.

— А почему не прибили на видном месте?

— Никак нет, ваше благородие, вони були прибиті, та бесурські діти познімали, тай давай з них хатки робити...

Окончив протокол, пристав уехал. Через месяц Перетятко и Сорока были вызваны в станицу Уманскую к мировому судье, а станичный атаман получил от уездного начальника предписание „строго следить, чтобы пожарные дощечки были прибиты на видных местах каждой избы, а Бесура вызвать в станичное правление и предупредить, чтобы он внушил своим детям не трогать дощечек, иначе будет привлечен к законной ответственности.

В. Седов. (Франція).

* * *

У кого же я узнаю и спрошу,
Где я буйную головушку сложу:
На чужбине ли, на фабрике какой
Я умру, борясь с злой долей и тоской?
В день грядущий ли, неведомой порой
Жизнь свою отдам за край родимый мой?
Может дома я, в кругу своем родном,

Осеню себя в последний раз крестом?
Иль, по родине скучая много лет,
Я и сам к виску приставлю пистолет?
Или, может быть, среди друзей моих,
Вспоминая соратников былых,
Буду долго и без меры пить вино...
А затем... потом мне будет все равно...
Но, молчат все. У кого же я спрошу,
Где я буйную головушку сложу?

П. Храмцов. (Прага).

Смерть казака.

(Біль).

Бой разгорался. Казаки хотели сбить красных и взять „Мироновское гнездо“. Выстрелы приближались. Итоги боя мог каждый уже определить: красные должны отступать. Пешие, конные, на подводах по 5—6 человек „удирали“ они к вокзалу, чтобы погрузиться в вагоны.

В панике, все бросалось. Больница полна раненых и мертвых. Недавние товарищи забыты. Не до них теперь. Каждый спасает свою шкуру. Главари, во главе с Мироновым, давно „испарились“.

На вокзале стоят три полных состава и броневик, а паровоза нет ни одного. Все вагоны переполнены ранеными. Стоны о помощи несутся со всех углов. То и дело слышно: „Боже, когда же конец“?.. „Забыл о нас Бог“... Странно было слышать эти возгласы. Ведь не так давно, всего два-три часа тому назад, эти умирающие так богохульствовали и так ругались во всех святых, что, как говорится, солнце меркло. Теперь же, казалось, они вспомнили всех святых и то, как им молиться. Такое перерождение и такой переход.

Вдруг, раздается истерический крик, заставивший всех вздрогнуть: „А-а-а! О-о-о! Боже мой!!!, что вы делаете!? Да уж прибежите меня скорей, палачи, стреляйте“... Раздался выстрел и все стало тихо. Только тогда понятны стали доносившиеся раньше призывы Бога.

Так умер казак 14 Донского полка. Как он попал к красным?.. А было это так: казаки на рассвете пошли в атаку, но были отбиты и на поле оставили не-

сколько убитых и раненых; остались там же лежать и красные кавалеристы. Красные санитары собирали своих раненых, а раненого казака в погонах тут же прикончили. Один казак не имел погон на плаще и, как „свой“, был санитарями подобран. Казак от потери крови и боли был в беспомощности. У него была раздроблена голень левой ноги. В вагоне он очнулся. Как бы спросонья, спросил: „Станица, дай воды“. Красный, лежавший около него, недоуменно спросил: „Что значит станица?“ На его вопрос казак отвечал: „Да что, ты не казак, не знаешь, что такое станица, ты разве большевик?“ Красноармеец тут же поднял крик: „Кадет“!

Все загалдели кругом и каждый наперерыв стал предлагать способы, как замучить казака; шум живо докатился до уха командира броневика. Запыхавшись, прибежал он и в бешенстве начал трясти и тянуть-поворачивать раздробленную ногу казака, приказав красноармейцам бить по раненой ноге.

Долго отводил душу командир во всю „ширь и размах русской души“, а красные солдаты усердно помогали ему.

Наконец, притащили уже полуживого к дверям вагона, пустили пулю в голову и выбросили. А потом стояли все, оттирая пот с „усталых“ лиц. Вдруг вспомнили, что не все еще сделано, и, словно радуясь своей изобретательности, шумно потащили тело казака к станционному козлету.

Микола Оверкович. (Прага).

ДУХ БОРОТЬБИ — ДУХ СВОБОДИ.

І скаже так Сатанаель, —

Дух боротьби і Ангел Волі,

Під дзвін скривавлених шабель

На з'оранім копитом полі:

Ось, вдарив в чорних хмарах грім,

Обвили обрій блискавиці

І степ, обгорнений у дим,

Оскаливсь білим лезом криці...

Я пробудив цей край в огні,

Я викресав з терпіння удари,

Я ниви запалив пожегом

Й окрилив зброю до борні.

Я приготував Волі шлях

По трупах, крові і сльозах...

І скаже так Сатанаель, —

Одвічний гордий дух свободи,

Між тріснутих од жаху скель

І між вітрів, розбивших води:

Ось, у ваш край прийшов пророк,—

Муж честі, лицарської слави,

І кожний буреломний крок

Його вже значить слід кровавий...

Урвавсь ганебний ланц раба,

Спадають з дзенькотом окуви —

Кінець покорі і любови:

Повстала помста й боротьба...

Я кличу мужніх в грізний час:

Хто є не з нами — проти нас.

І скаже так Сатанаель, —

Одвічний гордий дух бойовищ,

На чорнім попелі осель,

На сивім поросі руймовищ:

Ненависть віє вже крілом

І розгортає шлях кровавий...

О, взмужтесь! На чоло — шолом,

У руки — меч тяжкий і правий.

За око — око; зуб — за зуб;

За смерть і муки — смерть і муки.

Нема сумніву і розпуки!

Ось, тут — межа. Ось, тут — обруб.

Зіллялись вже у вічнім колі

Закони боротьби і волі...

Так прорече Сатанаель

Бойцям у їх відважнім серці —

Під дзвін розблисканих шабель,

Під збройний шум в останнім герці...

Деды и внуки.

1.

Отвечая на „обращение“ „Центрального Казачьего Союза в Париже“, „Казачий Союз в Шанхае“ пишет („Род. Край“, № 12):

1. „Довести до сведения казачьего центра и опубликовать через газеты и периодические казачьи издания, что в Шанхае среди казаков нет ни одного самостийника и их работа здесь рассматривается, как предательство русского национального и казачьего дела. Казачьи края есть прочные якоря центрального русского национального правительства на окраинах Российского государства.

2. В дальнейшем в отношении самостийников придерживаться священных слов Атамана Каледина: „всяким сепаратным стремлениям должен быть положен предел в самом зародыше“.

3. Личные выпады казаков-самостийников против выборных Войсковых Атаманов признать недопустимым явлением в казачьей семье и грубым нарушением славных традиций седой казачьей старины“...

Хотя это постановление „Шанхайского Союза“ направлено против нас и нам для опубликования не прислано, тем не менее мы считаем весьма полезным помочь его распространению среди казаков и остановить на нем их внимание.

Итак, по утверждению Союза, в Шанхае, где сосредоточена, главным образом, казачья эмиграция из Сибири, самостийников нет; самостийничество — предательство, а отпор, данный одному из Атаманов за его публицистическое выступление, есть нарушение традиций седой казачьей старины.

Имеются или не имеются среди казаков в Шанхае самостийники, не беремся судить, хотя и не сомневаемся, что многие из казаков, которые подписали шанхайское „постановление“, после прочтения десятка номеров нашего журнала станут самостийниками. Что же касается неуважения к священной особе импер... то бишь в-выборного Атамана и грубого нарушения традиций седой старины, то тут мы должны решительно заявить, что господа „шанхайцы“ сознательно и грубо извращают и попирают именно славную седую старину Казачества и его историю, думая, очевидно, что казачью массу и на широком свете так же легко ввести в заблуждение, как это им удалось в Шанхае. По неосмотрительности они выпустили из виду, что на широком свете найдется теперь уже много казаков, которые историю Казачества и его седую старину знают лучше, чем „шанхайцы“, и могут внести для них весьма неприятные „поправки“. Специально по этому поводу мы обратились к авторитетным знатокам седой старины Казачества и его истории, — к г. Эварницкому в его „Истории Запорожских казаков“, к проф. Щербине в его „Истории Кубанского

Казачьего Войска“, и к проф. Сватикову в его труде „Россия и Дон“ и особенно в его последней книге „Россия и Сибирь“ (которые мы настойчиво рекомендуем „шанхайцам“ и всем казакам) — и они единогласно и категорически утверждают:

1. „священной особой“, действия которой не подлежат критике подданных, является только особа монарха — короля, царя, императора, шаха, султана и т. д. Их судит только революция;

2. действия президента, как президента, подлежат оценке со стороны не только законодательных учреждений, но и граждан республики; когда же он выступает в печати, как журналист, публицист, тогда с ним поступают так же, как и со всяким публицистом;

3. Атаман же у казаков был исполнителем воли Войска; когда эта воля им не выполнялась, его не только критиковали, но и немедленно, до срока, лишали на Круге или Раде Атаманства и вместо него избирали другого; если же нарушение воли Войска проявлялось в отношении основных вопросов жизни казачества, он, кроме того, подвергался еще более суровым наказаниям, чем рядовой казак.

Таким образом, выходит, что „шанхайцам“, вопреки традициям именно седой старины казачества, весьма хотелось бы, чтобы современное казачество рассматривало Атамана, как „священную особу богдыхана“, действия которой не подлежали критике и оценке. Но это совсем не казачья традиция, а просто старая монархическая повадка части казачьей старшины, продолжавшей русским царям первородство казачества за похлебку армейских чинов.

Что же касается предательства и измены „родине и казачеству“, то мы позволим себе напомнить сибирякам их же собственную историю.

В конце 1929 г. Общество Сибиряков в Чехословакии издало весьма интересную книгу проф. С. Г. Сватикова „Россия и Сибирь“, излагающую историю областнического движения в Сибири.

Оказывается, что сибирское областничество — то же, что кубанское самостийничество и донской сепаратизм, и что сибирские казаки в истории сибирского областничества играли примерно ту же роль, какую в своих краях играли кубанцы и донцы. Оказывается даже, что деды, а может и отцы современных сибирских казаков были активнейшими участниками и героями наиболее яркого периода сибирского самостийничества. Среди них некоторые из подписавших шанхайское „постановление Казачьего Союза“ найдут ниже и свои фамилии, носителями которых, возможно, были их отцы или деды в самом настоящем, буквальном смысле... Впрочем, обратимся лучше к книге историка и попытаемся передать ее содержание более или

менее последовательно. Это будет лучшим нашим ответом „шанхайцам“, а в то же время весьма полезным сообщением казакам всех Сибирских Войск, прочитав эту статью которым, а особенно самую книгу С. Г. Сватикова весьма рекомендуем.

„Созданию идеи особенности Сибири, как совершенно правильно утверждает С. Г. Сватиков, способствовали условия географические, исторические, политические и административные“.

„Совершенно отличная от российской природы Сибири, ее суровый климат, крайняя редкость расселения, словом, вся совокупность условий и характера борьбы за жизнь неизбежно должны были выработать и особые черты характера сибирского населения.“

Отсутствие крепостного права, готовый, веками сложившийся свободолюбивый и независимый характер основного ядра первых пришельцев, — казаков, еще более усиливали влияние природных условий, и из сибиряка должен был выработаться тип инициативного, самостоятельного и независимого колониста. Так оно и получилось в действительности. Попавшие в Сибирь декабристы и другие ссыльные из России дают о сибиряках наилучшие отзывы“.

„Я уже говорил, — пишет один из них, — о развитии сибиряка вообще о ясном сознании своей личности, своего человеческого права... Народ этот помнит былое и выражается не иначе, как говоря: „Мы покорили Сибирь“. Он смотрит на все, как на свою собственность, и судит обо всем чрезвычайно здраво... Много толковал я с казаками и вижу их значение в будущем. Предоставленные своим только средствам, они делают громадные успехи в своем развитии... Сибиряк — не русский мужик. Тому надо стряхнуть долгое рабство, житься со свободой, воспитать себя в ее смысле. Сибиряк же вырос под ее сенью... Материальный быт также на стороне сибирского населения. Ныне устроены школы по казачьим селениям, они битком набиты мальчиками и девочками... Ну, словом, все, что закон русский признал лишним или опасным для себя, водворилось здесь“... (стр. 38).

„Чем далее мы подвигались в Сибирь, — говорит декабрист Басаргин, — тем более она выигрывала в моих глазах. Простой народ казался мне гораздо свободнее, мысленнее и даже образованнее наших русских крестьян и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими. Впоследствии мне не раз случалось слышать от тех, которые посещали Соединенные Штаты и жили там, что сибиряки имеют много сходства с американцами в своих нравах, привычках и даже в образе жизни“... (стр. 26).

Располагая такое население со свободой общественной самостоятельности и общественной самоорганизации, оно не стояло бы на месте, а быстро двинулось бы по пути развития общественных и хозяйственных форм жизни огром-

ного и богатого края. И, как знать, может быть к нашему времени Сибирь напоминала бы путешественнику Соединенные Штаты Америки не только характером и образом жизни своего населения, но и многим другим, что нам так нравится в этой стране“.

Однако, этого не случилось. Если правильно, что сибиряк — не русский мужик, то не менее правильно и то, что русское правительство — далеко не английское, для которого хоть немногие нормы морали и этики не были пустым звуком и которое было все же далеко от деспотических методов Чингисханов и Тамерланов в управлении своим государством. Держа в рабстве русский народ, угнетая и принижая его до положения рабочего скота, русское правительство несло и на „окраины“ те же начала и те же методы управления. Даже такая колоссальная страна, как Сибирь, отдавалась в руки какому-нибудь сатрапу на положении вотчины, где он стоял выше всех законов, где закон — произвол сатрапа. И не об интересах „вверенной“ окраины и ее населения заботился такой правитель, а о личном благополучии и интересах поставившей его власти думал он. Общественная самостоятельность и организованность должны были вести к ограничению самовластья „генерал-губернатора“ и произвола центральной власти. Поэтому в корне, в зародыше „пресекались“ всякие попытки к самоуправлению и к организации местного общества.

Восставая против затрат государства на нужды Сибири и против насаждения в ней начал гражданственности, один из столпов петербургских правительственных сфер, барон Мейендорф, говорил, например: „Предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние новых наших поселений (на Амуре), мы этим только будем способствовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний“.

Пример превращения Американских колоний Англии в независимое государство настолько пугал централистический Петербург, что он готов был идти на все возможности гнета и удушения общества „окраин“, которые предоставляла ему деспотическая власть.

Просвещение, которое неизбежно влечет за собою повышение сознательности населения, осознание им своих человеческих и гражданских прав, — „вольнодумство“, признавалось русским правительством для окраин еще более вредным, чем для самой России. Государственный секретарь Половцев открытие университета в Сибири считал настолько опасным не то в отношении сепаратизма, не то — крамолы, что прямо советовал: „Вместо открытия Сибирского университета (лучше) построить ледяной дом на Неве, как при Анне Ивановне. Прохладное шутовство в этом случае было бы и дешевле, и безвреднее“.

На Сибирь, как и на другие „окраины“ —

колонии русское правительство смотрело только, как на объект дикой, варварской эксплуатации, подобно тому, как смотрят сейчас и русские большевики.

Хорошие пути сообщения вообще и в особенности железные дороги и водный транспорт имеют первостепеннейшее значение для развития производительных сил страны. Иностранцы, — англичане и американцы, — много раз предлагали (напр. еще в 1857 г.) русскому правительству предоставить им концессию на постройку железнодорожного пути через Сибирь. Однако, и тем и другим под разными „благословительными“ предложениями было отказано, а само русское правительство, после долгих и „мучительных“ колебаний, приступило к постройке „великого сибирского пути“ только в 1894 г., т. е. почти полвека спустя. Посылая, напр., Коллинсу через Иркутского генерал-губернатора Муравьева официально мотивированный отказ, управляющий делами Сибирского комитета велел словесно сообщить последнему: „Все это, что писал управляющий Чевкин, вздор, а сущность в том, что нельзя нам пустить на Амур и в Сибирь республиканцев: они разовьют там свой дух, и Сибирь отвалится от нас“. Генерал-губернатор Западной Сибири кн. Горчаков, опасаясь „пагубного“ влияния иностранцев на жителей Сибири, благодаря проведению дороги, писал в Петербург: „Но что будет, если народонаселение (Сибири) сблизится с Англией и Америкой, которые примут на себя легкий труд внушить народу, что ему за свое золото удобнее получать от них то, что ныне доставляется из России, и что в случае нужды они поддержат эту сделку оружием... тем более, что жители Сибири отнюдь не питают к России той привязанности, которою льстит себя Муравьев“ (ген.-губ. Вост. Сибири).

Кому же, как не самому генерал-губернатору лучше знать, как стонет поверженная перед ним страна, как пламенно „любит“ она и его самого, и пославших его, как жаждет она вырваться из его объятий и броситься, куда угодно: к Америке, к Англии!..

Понятно поэтому, что там, где народная душа еще не убита, где народ еще не стал рабом, безропотно сносящим все прихоти своего властелина, и где он сохраняет хоть проблески сознания своих человеческих и гражданских прав, — там должен родиться протест, должна появиться борьба и желание найти выход.

„Сибиряк — не русский мужик“, безнадежно смирившийся со своим рабским положением. Ядром сибирских колонистов был казак. И в Сибири родились и крамола, и сепаратизм. Ибо против гнета и рабства казак протестует и борется всюду, где бы он ни находился, — на Дону или на Урале, на Днепре или в Сибири, на Кубани или на Амуре. Ибо свобода человеческой личности и воля общественной жизни — его стихия, в которой он жил века.

Как сознательное общественное движение, сибирское областничество возникло в XIX веке, вслед за тем, как возникли необходимые экономические условия для дальнейшего развития производительных сил огромной страны, таившей в себе неисчерпаемые возможности. Россия со своим всеподавляющим и мертвящим строем стояла поперек пути этого развития, и Сибирь оказалась в тупике. Пытаясь понять свое положение и найти из него выход, сибирская общественная мысль стала на путь областничества. „В его основе, — говорит проф. С. Г. Сватиков, — лежала мысль, что Сибирь составляет особый от России край, во многом на нее непохожий, имеющий право на свое особое бытие и развитие в составе государства Российского или даже вне его“.

Сибирское областничество в своем развитии прошло через несколько стадий и принимало различные формы. „Вначале оно носило характер местного партикуляризма или противопоставления интересов края, как отдельной части, остальной России, как целому, противопоставления провинции империи. Затем пришла эпоха сознания, что Сибирь — это колоссальная по размерам, хотя и малонаселенная колония, имеющая свои собственные интересы, не всегда совпадающие, часто противоположные интересам метрополии — России; проявилась мысль о противоположности интересов общества колонии интересам общества метрополии, а не только о противоположности интересов центрального правительства интересам местного населения. Наконец, развиваясь логически, мысль о Сибири, как колонии, пришла к выводу, что и эта колония сможет впоследствии или даже будет должна отделиться от метрополии и начать свое независимое политическое существование. Таким образом, областничество в Сибири принимало форму борьбы за преобразование управления краем на началах самоуправления, затем форму автономизма, борьбы за создание автономного края в составе империи, и, наконец, в известные моменты форму прямого сепаратизма“. (стр. 3).

Проведение железной дороги вопреки опасениям русского правительства сыграло положительную, с российской точки зрения, роль. Огромная волна переселенцев и ссыльных, хлынувшая с проведением дороги, захлестнула старых поселенцев края и создала новые слои населения, тянувшиеся к России и таким образом укреплявшие с нею связи Сибири. Не могло это не отозваться и на областнических стремлениях старого сибирского населения. Хотя и временно, пока масса новых поселенцев не сживется с общими интересами края и не почувствует себя сибиряками, областническое движение неизбежно должно было ослабнуть и задержаться в своем естественном развитии.

Наиболее яркий периодом сибирского областнического движения было время 60—70 го-

дов XIX в. Время же 40—50 гг. было его подготовительным периодом.

Одним из первоначальных центров движения было сибирское студенческое землячество Казанской духовной академии, из среды которого вышел первый крупный теоретик и проповедник сибирского патриотизма и сибирского областного федерального федерализма — А. П. Щапов. „Среди сибиряков студентов уже тогда жила мысль о желательности отделения Сибири от России“, хотя высказывалась она только мимоходом и не развивалась. Не так отнесся к этому Щапов. Человек выдающихся способностей, он вскоре же по окончании академии занимает кафедру русской истории в Казанском университете и уже во вступительной лекции выказывает себя уже вполне сложившимся областником-федералистом. „Скажу наперед, — заявил он в этой лекции, — не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской истории... Я буду привлекать ваше внимание к элементу сколько загадочному, столько может быть жидкительному, плодотворному элементу нашей будущей цивилизации... Нет в Европе народа, который бы отличался таким провинциальным этнографическим разнообразием, как народы, обитающие в разных русских областях. Много ли общего между малороссийским, белорусским и сибирским населением?“...

Любя Сибирь, как родину, он и других звал к любви к „конкретной“ родине, а не к родине вообще, звал к работе среди родного народа, в родных краях. Он призывал к внимательному и любовному изучению своих областей, изданию областных сборников, которые должны были служить руководством областного самосознания. Арестованный, сидя в застенках III отделения (Г. П. У. царских времен), Щапов обращается с письмом к Александру II, в котором, ссылаясь на обширность территории империи и разнообразие интересов и нужд различных областей, откуда голос народа о своих страданиях и чаяниях часто совсем не доходит до царя, умоляет его разбить империю на ряд областей с областным советом во главе каждой области. Он доказывал, что в каждой такой области необходимо создание местных очагов культуры, — университетов, и что такой очаг нужен и для Сибири.

Областнические идеи Щапова производили сильное влияние на сибирскую молодежь, учившуюся в высших учебных заведениях Казани, Москвы, Петербурга. „Благодаря Щапову и его лекциям, в сибирском землячестве появились мысли о служении нашей родине, о возвращении домой“ после окончания университета, — вспоминал потом один из активнейших областников Сибири, тогда студент Петербургского университета, Н. М. Ядринцев.

Не менее значительную роль в истории сибирского областного движения сыграло си-

бирское студенческое землячество в Петербурге, основанное студентами Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым. Талантливые юноши и горячие патриоты Сибири, они придали своему землячеству значения гораздо больше, чем обыкновенно имели студенческие землячества.

Первоначальными членами землячества были студенты-сибиряки различных высших школ Петербурга, сыгравшие потом выдающуюся роль на своей родине: Наумов, впоследствии видный беллетрист-народник, Шашков, — публицист и историк Сибири, Худяков, Щукин, Усов, — слушатель академии генерального штаба, сибирский казак, Шайтанов, — студент-юрист, казачий офицер, Березовский и др.

Душою землячества был Потанин, студент — офицер Сибирского казачьего Войска, впоследствии вождь сибирского областничества на долгие годы, приобретший „идею о сепаратизме Сибири еще в бытность свою в 1846 г. в Сибирском кадетском корпусе“, как гласило в 1865 г. „дело“ о независимости Сибири. Он проповедовал своим товарищам необходимость всестороннего изучения родины, подготовки к деятельности именно на родине, а не в Европейской России, что долг каждого сибиряка-студента вернуться жить и работать среди родного народа. Идеи Потанина особенно захватили Шашкова, отдавшего впоследствии свои силы изучению и изложению истории родного края, и Ядринцева, ставшего одним из столпов сибирского областничества. Ядринцев один из первых стал рассматривать Сибирь, как колонию, и первый противопоставил интересы сибирского общества интересам общества Европейской России.

„Идеология основоположников сибирского областничества, — говорит проф. Сватиков, — была основана, во-первых, на вполне естественном и законном чувстве любви к родному краю, во-вторых, на признании Северной Азии колониальной империей и на теоретических рассуждениях о том, что колонии в конце концов должны стать независимыми; в-третьих, на сознании тягостного положения Сибири, как штрафной колонии и обойденного во всех отношениях центральным правительством края.“

Первым практическим результатом деятельности сибирского землячества было то, что ни один из его первых участников не остался по окончании ученья в Европейской России, а все они немедленно же направлялись в родной край с ясным сознанием того, что им делать и чему служить. „Мы сознавали, — писал Потанин в 1913 г., — что над Сибирью тяготеет три зла: деморализация ее населения, вносимая в край ссыльными социальными отбросами Евр. России; подчиненность сибирских экономических интересов интересам московского мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции, могущей встать на защиту обездоленной родины“.

Возвратившись на родину, бывшие студенты рассыпались по городам Сибири и энергич-

но принялись за работу в духе выработанных и принятых ранее положений, поддерживая друг с другом переписку.

Потанин в Омске добился подачи адреса атаману Сибирского казачьего Войска о необходимости участия депутатов от казачества в комитете, пересматривавшем в 1863 г. положение о Войске, и сам принял горячее участие в его заседаниях, отстаивая права рядового казачества. Ядринцев и другие выступали с лекциями, основывали кружки, убеждали молодежь ехать учиться в высшие учебные заведения, писали горячие статьи в газетах, будя общественное сознание сибиряка, на-

лаживали издание сборников, своей газеты, вели пропаганду за открытие народных школ и университета, отдаваясь своей общественной работе со всем пылом молодости, воодушевляемые горячей и искренней любовью к своей живой, конкретной родине.

„Недремлющее око государево“ не могло, разумеется, не заметить „пагубной крамолы“ и не замедлило принять „надлежащие“ меры для „пресечения зла в корне.“ Стесненные в легальных возможностях служения своей родине по совести, сибирские патриоты попытались делать это иными путями и... заплатили долгими годами тяжких страданий на каторге и в ссылке.

П. Покотыло.

Как рассказывали Бугское Войско.

Со времени перехода Войска Низового Запорожского под власть российской императрицы (в 1734 г.) Запорожское казачество не переставало волноваться. На Запорожьи все время боролись две партии: московская — автономистов и крымская — самостийников. Последняя не раз желала вернуться под протекторат Османской Порты.

Недовольные новыми порядками запорожцы уходили за р. Буг, служившею границей между владениями Запорожья, а вместе с тем и Российской империи, с владениями турецкими. Там, в землях кочевых орд, признавших турецкое покровительство, они жили и занимались промыслами. Ряды их пополнялись, в значительной степени, выходцами из Днепровского правобережья, на котором доживало последние дни казачество Запорожское реестровое.

В рядах этих политических эмигрантов находили пристанище и другие недовольные элементы — (невольные подданные турецкие, российские, польские). Неудивительно поэтому, что когда в 1768 г. вспыхнула война между Турцией и Россией, то эта „эмиграция“ предложила свои услуги турецкому правительству выступить против России. Было образовано Бугское казачье Войско, во главе которого, избранный казачеством в Атаманы, стал Петр Скаржинский, польский шляхтич.

Война затянулась. Целых пять лет длилась она с переменным успехом. Бугские казаки встречались на полях сражений со своими бывшими сотоварищами — запорожцами. Запорожцы, по поручению российского правительства, разными обещаниями вольностей, переманивали казаков на свою сторону и вскоре достигли того, что все Бугское Войско, целиком, перешло на российскую сторону.

Бугский Атаман Петр Скаржинский получил чин полковника, а за Войском были закреплены его бывшие, пожалованные еще турецким султаном, земли. В 1774 г. состав Войска был пополнен молдаванами, валахами и другими христианами, не желавшими быть под турецкой властью. В эту войну бугские казаки не один раз действовали блестяще и Войско по окончании войны получило 10 георгиевских знамен через князя Потемкина и графа Румянцева. В 1775 г. к нему был присоединен и казачий полк, набранный из славянских выходцев, главным образом хорват, поселенный на р. Ингульце.

Уничтожив Сеч Запорожскую в 1775 г., российское правительство оставило Бугское Войско на турецкой границе, переведя его на положение поселенных казачьих полков. В таком виде оно в 1788 г. вошло в Екатеринославское казачье Войско, составленное из казачьих полков бугских, чугуевских и семи иных поселенных на крымской линии.

Во главе этого Войска и бывшего Войска казаков Запорожских, переименованного в Черноморское, стал

в 1790 г. князь Потемкин-Таврический с титулом „Великого Гетмана Войск казачьих Екатеринославских и Черноморских“.

Войско Екатеринославское просуществовало не долго. В 1796 г. оно было расформировано, но бугские казаки остались существовать под новым названием Бугско-Вознесенского казачьего Войска. В состав этого Войска вошли и пожелавшие остаться на казачьем положении казаки екатеринославские и днепровские.

Из территории Бугского Войска и бывших запорожских земель была образована Вознесенская губерния, центром которой стал бывший центр Бугского Войска городок (крепость) на р. Буге — Соколы, теперь переименованный в г. Вознесенск.

Бугско-Вознесенское Войско просуществовало только один год. В 1797 г. оно было расформировано, а казаки переименованы в крестьян.

Недовольное такой реформой, казачество долгое время усиленно добивалось, если не восстановления Войска, то, по крайней мере, переселения его в состав других Войск. В 1803 г. казаки добились своего. — Часть Екатеринославского Войска ушла на Кубань и образовала там кавказский полк, занявший станицами район от устья р. Лабы вверх по Кубани до ее поворота на юг. Остальные казаки, оставшиеся на Днепре, Буге и побережье Черного моря, образовали, вместе с болгарскими эмигрантами, в том-же 1803 г. — Бугское казачье Войско. Войсковым Атаманом, по царскому указу, был назначен донской казак генерал-майор Иван Краснов прокомандовавший Войском до 1807 г. В это время Войско получило еще 10 знамен и сохранило в своем арсенале 2 знамени, вывезенных из Турции и 15 георгиевских екатеринославских. В трех уездах Вознесенской губернии Войско имело — 26 станиц и два болгарских села, имея, в начале Красновского атаманствования 1597 дворов и 6383 души населения. Войско составляло 3 полка, численностью в 1308 вооруженных казаков. Во время новой русско-турецкой войны, при Александре I, оно принимало деятельное участие на турецком фронте, а по заключении мира, в 1811 г. было брошено против французов.

В 1812 г. Наказным Атаманом Войска был (до самого конца существования Войска) князь Кантакузен, из молдавских выходцев, бояр. В эту войну Войско добровольно поставило еще пятисотенный полк и обещало выставить другой.

Бугские казаки проделали всю „Отечественную“ кампанию, прошли целую Европу и были награждены серебряными медалями за взятие Парижа.

Кончилась в 1814 г. война с французами, в России пошли новые веяния, у власти появился неблагоприятной памяти генерал Аракчеев, решивший покрыть всю империю сетью военных поселений (типа нынешних Совхозов). Над Бугским Войском повис Дамоклов меч...

Судьбу Бугского Войска должно было разделить и

Украинское казачье Войско, учрежденное в тяжелый 1812 г. из потомков бывших реестровых запорожских казаков, проживавших в Киевской и части Подольской губ. Войско это, по окончании кампании, было поселено на землях бывшего болоховского казачества, рядом с бывшим Запорожьем. В 1816 г. оно было упразднено и переименовано в Украинскую уланскую дивизию.

Заставим дальше говорить современника рассказывания Бугского Войска, довольно известного мемуариста, отставного офицера, А. С. Пишчевича.

Пишчевич происходил из военной семьи выходцев из Сербии, поселенных полками на землях Запорожия и постоянно враждовавших с запорожцами до уничтожения Сечи. Побывав на Кавказе, Пишчевич, проезжая через Дон, несколько раз сталкивался с донскими казаками, оставившими в дураках этого, много мнившего о себе, кавалерийского офицера. Его свидетельства будут тем ценнее, что, недолюбливая казачество, Пишчевич гордился участью своего отца в разгроме Сечи Запорожской — „этого разбойничьего гнезда“ — по его словам.

... „1817 год. С начала весны сего года стали поговаривать о поселении части армии в разных местах России. С того же времени определено в станицах бугских казаков, присоединя к оным некоторые селения Елисаветградского уезда, (решили) привести четыре уланские украинские полка и поселать, обратя бугских казаков в уланы.

Много офицеров из этих полков показалось в Крюкове для приема вещей из тамошнего депо... Сии господа, не бывши никогда в станицах, им отданных, мечтали обогатиться; они полагали, что селения сии изобилуют землею, а работниками будут уланы и их семейства, а того не ведали, что сии станицы едва имеют столько земли, чтоб досталось по числу душ; они (же) думали заводить конские заводы...

... В Петербург потребован генерал-лейтенант Лисаневич, для совещания о сем уланском поселении с гр. Аракчеевым, главным изобретателем поселений. Сочли Лисаневича, как уроженца сего края, сведущим всего, до него касающегося. В Лисаневиче Аракчеев увидел человека по себе, т.-е. довольно глупого, который слепо будет исполнять его волю. И как теперь на все устраиваются комитеты, то явился уланский комитет, в котором Лисаневич — презус, обо всем относящийся к гр. Аракчееву, а сей прямо к государю. Итак, мужик из Петримовки, которого фамилия была вначале Лысенко, вышел, по сей части, третья особа в России. Часть уланов должна была поселиться между бугскими казаками, а часть в Харьковской губернии.

Когда украинских уланов решено было соединить с бугскими казаками, тогда четыре украинские уланские полка приведены были в Вознесенск. Бугские казаки сначала решились было даже их не впускать и на квартиры и в свои дома, но, наконец, силе не могли противустоять, уланы расположились в Вознесенске и потом розведены по полкам и эскадронам — по бугским станицам. Казаки волновались; Витт (начальник украинских уланов) потребовал помощи, для которой и было прислано ему две роты артиллерии и два батальона пехоты. Прежде всего в Вознесенске начали приводить к присяге, на которую казаки не соглашались, но собрав их между выставленною артиллерию, пехотою и полком уланов, несчастные, видя зажженные фитили, видя весь гибельный снаряд, готовый грянуть на них, присягнули. После сего и в других станицах принялись

за то же, и в других встретили тоже сопротивление, а в некоторых даже дрались, за что были переколоты, потоплены в Буге, сечены кнутом, отосланы в Сибирь, и гнаны были сквозь строй. В некоторых местах женщины, видя уланов атакующими их мужей, бросались всадникам навстречу, с мкладенцами на руках, мня заставить собой гибель, пригтовленную их мужьям, но сие ни мало им не помогло...

Граф Витт поручил, на словах, генерал-майору Громову усмирить, волнующуюся Михайловскую станицу. Громов потребовал письменного наставления и получил оное в таком смысле, что если казаки словесных убеждений не послушают, тогда употребить оружие. Громов с ним уехал из Вознесенска, но на дороге был нагнан посланником от Витта, который требовал письменное наставление обратно. Посему Громов и сам возвратился в Вознесенск. Тогда уже сам Витт отправился в Михайловскую станицу, где, собрав всех жителей, требовал от них послушания воле монаршей, но они отказались. Тогда он прицепился к самому старейшему летам казаку и потребовал, чтобы он собою показал пример другим. Но когда сей сединами покрытый старик стоял твердо в том, что не посягнет дать согласие, из которого видно будущее бедствие его сограждан, тогда Витт сказал: „Итак, ты будешь примером служить для других“, приказал станице батальону пехотному в строй и тогда семидесятилетнего старца пустили между шеренг к прогнанию шпирцутенами, приказав двум мушкетерам идти перед ним с примкнутыми штыками, дабы он шел ровным шагом, чтоб всякая лоза коснулась его почтенной спины, а он и без сего не мог, по удрученным летам, следовать иначе, как весьма тихо. Старец, видя сих перед собою, сказал твердо графу, присутствовавшему при сей сцене: „Не надобно их передо мною, я пойду таким шагом, каким, ваше сиятельство, всемогущий Бог примет мой дух!“.

Барабаны ударили, трубы загрубили и старец пошел на смерть. Недолго надобно было ему ходить, на втором разе он испустил дух... Надобно вообразить себе ту горестную картину: удрученный летами мучился под ударами, а фронт окружаем был всеми жителями Михайловскими, в числе коих находились сего старца сыны сынов и внуки.

Лишь сия сцена кончилась, как является к фронту в полном наряде, верхом, бугский казак. Витт его спрашивает: зачем и откуда он? — „Я прислан (отвечает всадник) из других станиц осведомиться, что в Михайловской станице делается?“.

Витт приказал стащить его с лошади и также прогнать сквозь строй: это был ответ на депутацию от других станиц...

Бугские казаки опирались на дарованную им грамоту Екатерины II, в которой им пожалованы земли в вечное и потомственное владение; от сего в тогдашнее время на левый бугский берег пришло, для поселения в сие Войско много молдаван и болгар, а к ним присоединилось несколько деревень малороссиянами населенных.

Новое положение уланского поселения таково, что все они делаются крестьянами своих начальников и потому казаки мнят, что это превращение делается не по воле государя, а что это затея их начальников.

Один из уланов сказал графу Витту: „Когда нас вели сюда, тогда нам обещали домоводство и покойную жизнь, но мы теперь видим, что нас учат регулярной экзекуции“. Такогого говоруна прогнали сквозь строй...

Для усмирения в Михайловскую станицу поставили

„Народ Дона составляли Донские казаки, свободные граждане Донской Республики... — Казаки всегда, в течение всей своей истории, противопоставляют себя, донцов, русским, а Дон—Руси. Броневский в 1830 г. пишет, что „отчуждение донских казаков от русских и теперь заметно“. В переписке казаков с московским правительством мы всегда находим противоположение: „на Дону“ и „на Руси“. В одном из исторических актов 1640 г. читаем: „**Которые русские люди с Дону отпущены к Руси...**“

(С. Г. Сватиков. „Россия и Дон“, стр. 22, 24).

целый полк солдат и досталось на всякий дом по 15 солдат. Эта усмирительная мера была самая неблагоприятная, ибо хозяйева, потчивая постояльцев, сблизилась с ними знакомством и ежели бы дошло до драки, то может быть постояльцы, помня хлеб-соль своих хозяев, не пошли бы против них.

К числу бунтовщиков причислен был один урядник бугских казаков, молодой и видный собой человек, служивший против французов с отличием, за что имел украшенную медалями и георгиевским крестом грудь. Его прогнали сквозь строй, при чем присутствовал сам гр. Витт. По окончании экзекуции, тело избитого урядника прикрыли его курткой, на которой висели знаки монаршей милости. Он имел еще столько духа, что сорвал оные и бросил их в глаза гр. Витту с сими словами: „На что они мне, ежели я ими не мог себя защитить от бесчестного наказания!“. Это было уже другое преступление сего несчастного. При сей второй экзекуции урядник, пока мог употреблять свой язык, то он был на хулу новых постановлений, ругательство начальства... и с сим испустил дух свой юный воин. Таковые поступки носили название усмирения бунтовщиков и такими примерами, конечно, бедный народ примирел. Тогда начали их употреблять на работы на равне со скотом; старики должныствовали возить на своих волах камень и лес на разные постройки; годные на службу учились военным оборотам; мальчишки ходили в школу; оставались в домах одне женщины с которыми офицеры и другие начальники поступали настояще по серельски. Сверх всего жители ни в чем не были вольны в своей собственности, из домашнего ничего не могли для себя употребить, ни продать без ведома эскадронных начальников. В селе Верблюжке, куда вступил эскадрон украинских уланов, понадобилось поселянину резать барана для помину умершего сына своего, но сие было ему возбранено.

Итак, худшего положения не могло быть, как положение сих воинов-поселян. От сего злора казаков на уланов ежедневно возрастала и поэтому вздумали примерить первых с последними, приказав уланам жениться на казачьих девках. Когда сие сбилось, отчасти, тогда казаки мнили быть покойны с своими новыми зятьями, но не прошло долгое время, как переместили эскадрон из одного селения в другое, оставляя жен у их отцов, и вновь пришедшим эскадронам велено вступать в новые брачные союзы. И это называлось смешивать кровное родство уланов с казаками.

В 1818 г. государь из Одессы отправился в Вознесенск. Граф Витт постарался выгладить дорогу до сей уланской столицы как нельзя лучше и провести оную столь же прямо, как стрелу. Мгновенно, можно сказать, выкопаны были по обеим сторонам оной рвы и усажены деревья, хотя и в мае месяце, но не смотря на то, они прозеленели, пока император проехал; после — облекли, высушли и были разобраны чумаками на варку каши. Но чего стоило сие минутное украшение бугским казакам?!

Казаки ожидали государя с нетерпением и уверяли себя, что когда они объяснят ему все ими претерпеваемое, то государь отменит сие новое устройство, доводящее их до совершенного переустройства. Но гр. Витт иначе о сем мыслил: он приказал для встречи его величества выйти всем жителям на большую улицу, где сии были поставлены — мужчины с одной, женщины с другой стороны, которым при проезде государя приказано было кричать: „Благодарим тебя, государь, за милости, нам оказываемые новым устройством! Ты нам

спаситель!“. И чтобы сии слова всякий затвердил, то до приезда высочайшего оные были несколько раз повторены, а чтобы лучше над сей репетицией наблюдать, поставлены были позади уланы с палками, которые умели заставить их выговаривать заданный им урок. Государь, может быть, заметил слезы, проливаемые избитыми воинами-поселянами, как и слезы других, но сии он принял за слезы умиления...

В тот же день государь обозрел все вновь заведенное гр. Виттом строение, как то дом для приезда его величества, разные цейхаузы и прочие уланские надобности, которые, менее нежели в год, выстроено и все каменное, был этим чрезмерно доволен и благодарил гр. Витта, как виновника всего видимого.

При всем том купечество и мещане гор. Вознесенска осмелились просить у государя милостивого воззрения на их состояние, которые основали сей город, завелись домами, а теперь велено им выходить из оного, по положению уланскому; оценили их дома в столь малую сумму, что по оной они не выручат и четвертой доли положенного капитала. Государев ответ был: „Ежели вам сия оценка не сходна, то вы можете свои дома перенести туда, где пожелаете жить, но военное поселение непременно надобно оставить“...

Это были происшествия первого дня появления его величества в гор. Вознесенске, а на другой день, после литургии, государь, выйдя из церкви, поздравил толпившихся около него казаков — уланами и все те, которые хотели ходатайствовать о оставлении их на прежнем положении, а особенно помня крепко прошлогодний с ними поступок графа Витта, когда их приволили к присяге, ничего не сказали. Прибыв в дом, его величеству были представлены шесть человек-казачков, из которых самому младшему было 75 лет. Граф Витт одел их в уланское платье и сим сгорбленным старикам насунули на головы кивера с предлинными султанами, а на обшлага их кафтанов нашли унтер-офицерские позументы. Граф Витт, сям предпочтением стариков, хотел показать обществу казацкому, насколько он уважает старость“...

„Это — голос современника и ближайшего свидетеля описываемых происшествий. Он говорит под влиянием непосредственного впечатления, говорит с такой желчью и раздражением, что некоторые фразы и слова мы должны были совсем опустить“... заканчивает повествование Пишчевича издатель его мемуаров, лет пятьдесят тому назад.

Нам к этим страницам прибавить нечего, они сами говорят о себе. Бугского Войска не стало и оно не возродилось. Аракчеевщина (теперь этот сорт эксперимента носит название — коллективизация) убила казачество на берегах запорожского Буга.

Не стало казаков бугских, так лихо и самоотвержено сражавшихся во славу императриц и императоров российских... 15 знамен с вензелями Е II, 20 знамен с вензелем А I, георгиевские ленты и украшения, кампании турецкие, французская и взятие Парижа, десятки тысяч убитых, раненых, калек, вдов и сирот!!! А как заслуга за все это, должная отплата: шпирутены, запарывание до смерти, прогонание сквозь строй, ссылка в Сибирь и т. д. и т. д. вплоть до выше описанных аракчеевских „экспериментов“. В таком отношении к казачеству всякая Россия одинакова. Этому свидетельницей — история как белой (императорской), так красной (демократической), так и красной (советской) России.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Любовь к бранной жизни, жажда подвигов, веками выработанные в Запорожской Сечи, были принесены Черноморцами и на Кубань, как точно также и другой частью Кубанского казачества — Линейцами — с Дону. Жизнь бок о бок с врагом, храбрым и назойливым, счи-

тавшим истребление гяуров богоугодным делом, видевшего в своих героях особое молодечество, не только поддерживала воинственность своих, но выявляла и соревнование у противника. А эта вечная, бесперывная опасность за свои очаги заставила казаков быть всегда,

что называется, на чеку. Вследствие этого и сама жизнь в станице во многом отличалась от мирных поселений, а люди, отдававшие свою жизнь на защиту родных станиц, пользовались почетом и уважением.

Самое появление на свет будущего защитника отмечалось как особенное событие. В стародавние времена, в Черномории, когда в какой либо семье родился сын, ворота открывались и от них до противоположного забора, поперек улицы протягивалась веревка, чтобы не пропускать ни прохожих, ни проезжих. Каждый из них должен был войти во двор и поздравить хозяина с радостным событием, выпив, разумеется, и чарку водки. В тот же день это знаменательное событие делалось достоянием всей станицы и ликование шло целый день — справлялись „родини“ будущего казака. Счастливая мать с первых же дней с гордостью высказывала свои надежды, обращаясь к малютке:

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой!

Не далек был от истины Лермонтов, так поэтично изображая мечты матери, ее заветные желания, смиренно требующей от сына только одного:

Готовясь в бой опасный,
Помни мать свою!

А в это время „богатырь“ в колыбели суча ножками, надрылся от крика, вызывая слезы радости у отца, „закаленного в бою воина“. Когда позже такой „богатырь“ не ммеру разбушует, отец схватит его на руки и, походив по хате, поднеся к стене, что против входной двери, где развешено оружие, трогает предметы рукой, показывая каждую вещь и что ею делать, разумеется, больше для себя, так как самого „богатыря“ занимает более блеск оружия, он заинтересовывается им и притихает. Или же, посадив на правую ладонь поднимает его высоко, высоко під саму стелю, где на гвоздях, вбитых в сволок, лежит что-то длинное, красное, с блестящим концом; это тоже „что-то“ новое и красный цвет производит некоторое успокаивающее впечатление на „богатыря“. Черноморцы раньше были вооружены пиками, древка которых были окрашены в красный цвет.

Пройдет немного времени и „богатырь“ сам уже подползает к лавке, над которой висят все эти интересные для него предметы и, указывая рученками на них, издает какие то дикие, ему одному понятные звуки, о смысле которых, может быть, догадывается только мать. Даже в то время, когда он уже может вскарабкаться на лавку, ему строго запрещено касаться их, и попытки к этому влекут за собой печальные для него последствия. Это его окончательно заинтриговывает и, когда наступает время к уборке и побелке хаты, он неотступно следит за отцом, сопровождая его при выносе заповедных вещей. Наконец, вынесена последняя вещь — длинная красная палка и поставлена около сарая, такая большая, что даже на крышу хватает; вместе с тем, получается строгий приказ — близко не подходить и не трогать этой палки. Разумеется потому, чтобы не свалить ее, но для „богатыря“ это не понятно и он, заложив пальцы в рот, в недоумении останавливается перед ней и долго внимательно рассматривает ее, поглощенный своими думами до того, что пропускает и уход отца. А между тем, как интересно смотреть, когда „тато“ станет перетирать и смазывать разложенные им вещи, когда он „поломает“ все ружья и, вытерев и смазав куски, опять сделает их целыми и потом шелкнет так, что искры посыпятся и невольно мигнешь глазами (ружья были кремневые и по сборке необходимо было испытывать кремнь).

Но, тато еще более удивительные, еще более страшные вещи может делать. Придет Рождественский сочельник (кутья), мамка накроет стол, зажжет лампаду или свечку перед образом, поставит на стол пироги, рыбу, жареную или вареную, и взвар, и кутью с медом, и чего только не наставит такого вкусного, что прямо слюнки потекли. А тато осторожно снимает со стенки ружье, всыпает туда маку и тонкой палочкой заткнет шерстью, чтобы не высыпался, а потом выйдет на двор (за ним выйдут все гурьбой и останутся у входных дверей), потом дальше на середину двора, поднимет ружье, что-то сделает и около руки вспыхнет огонь, а

потом из верхнего конца ружья вспыхнет огонь и бахнет так, что в ушах засвистит. „Богатырь“ остолбенел, на лице полное недоумение, видно, что он не знает, что ему делать, не то плакать, не то смеяться; но все таки как-то страшно стало и невольно он прижимается к юбке матери; увидя это отец подходит и, ласково усмехаясь, говорит: „що страшно стало?“ Но, „богатырь“, видя в его руках ружье, еще больше прижимается к матери.

— Та чога ти його боїшься? — говорит отец, — на, візьми, неси в хату. „Богатырь“ окончательно прячется за мать и вместе со всеми входит в хату, все время держась за юбку матери и робко выглядывая, как отец вешает ружье на место. После этого все стоят перед образом и, перекрестившись, садятся за стол. „Богатырь“ садится ближе к матери и боязливо посматривает на пирожки с маком. Когда очередь дошла до последних, к удивлению всех, „богатырь“ не из’явил никакого желания дотронуться до них и, когда ему их предлагали, он больше еще прижимался к матери. Заметив это отец обратился к нему:

— А ти чога-ж не їш?

За него ответила мать: — Та він мабуть боїться їх, бо бачив, як ти насипав пороху в ружжо, та й думає, що і в пиріжках порох. Боїться шо його з’їсть, так і з нього випалить.

Отец, разумеется, начал поощрять:

— Нічого не бійся, не випалить. Воно може і бахне, як добре наїмося, але ж вогню не буде!

По общему настоянию, „богатырь“, наконец, боязливо взял пирожок и, войдя во вкус, с аппетитом с’ел их достаточно. Но, зато долго потом лежал на постели, ворочаясь и ожидая, когда воно „бахне“.

— Та ну, не крутись, спи; ждеш, поки в тобі мак бахне? Сьогодні не жди, він бахне аж завтра в ранці. Успокоенный таким образом матерью, он крепко заснул, а на утро, конечно, забыл обо всем.

Так встретит богатырь первую кутью, когда уже придет к нему сознание и он услышит первый выстрел „вещи“, которая достаточно времени занимала его, хотя он и не знал ее назначения. Придет Крещенский сочельник, повторится та же история, но только после вечера. Когда он увидит отца, снимающего со стенки ружье, он с любопытством ожидает дальнейшего, но теперь, видя отца, выходящего на двор, он старается поскорее выйти за ним вперед и встать впереди всех, чтобы лучше видеть все и только после выстрела убегает к матери, хватаясь за нее, и, слыша по станице выстрелы, которых прошлый раз он нисколько не замечал, не то с радостью, не то с опаской, после каждого из них произносит „бух! бух!“

На другой день, слыша выстрелы на кордоне, он, не говоря никому ни слова, бежит к стенке и, увидя, что ружья нет, нет и отца, который ушел в церковь, когда он еще спал, бежит к матери и на своем языке старается объяснить ей, что это стреляет отец, так как и ружья нет на стенке.

„Богатырь“ понял назначение ружья. Много раз потом, подойдя к стене, он рученкою указывая на ружье, со словом „бух!“ старался дать понять, что эта вещь ему хорошо знакома, но трогать ее он все таки боялся, чтобы „не бухнуло“.

Пройдет год и „богатырь“ уже держится за ружье, когда при встрече или проваода отец несет его, воображая, что он помогает ему. Еще через год или два он с помощью отца, поддерживающего ружье, делает выстрел, а когда достаточно окрепнет, ему позволяют и самостоятельно выстрелить. С гордостью будет он рассказывать всем, как он встречал и провожал кутью без помощи тата.

Но, в это время у него будет и другая забота. Этот первый самостоятельный выстрел как бы служит заключительным моментом детства казака и сигналом наступающего нового периода его жизни — отрочества.

В этот же период своей жизни будущий казак знакомится и с другим отделом военной подготовки — наездничеством. Начало его настолько же примитивно, как и начало ознакомления с оружием. Любовь к наездничеству внушается ему совершенно сознательно отцом его, видящим в нем будущего казака. Как только ре-

бенок окрепнет настолько, что его безопасно можно взять на руки, отец непременно схватит и посадит его к себе на плечо и начнет скоро ходить по хате, изображая собою лошадь.

Такое препровождение времени „богатырю“, конечно, очень нравится. Потом отец посадит его к себе на колени и начнет трясти ногою, приговаривая: „Но! Но!“ как будто поганяя лошадь. Дальше уже посадит верхом на шею. Все так приятно, так нравится будущему казачку, что он подползая к отцу, уже сам требует урока „езды“, восклицая „но! но!“. Такое „наездничество“ так нравилось ребенку, что едва начав ходить, он подбегается к сидящему старшему братишке, со стороны спины, и, обхватив его за шею, кричит: „но! но!“ Тот встает на ноги и, изображая лошадь, поддерживая за ноги казака, бегают по хате. Но увлекшись, иногда неосторожно, подсакивает и казачок шлепается на землю. Поэтому, он больше лнул к отцу, у которого таких скандалов не случалось. Утвердившись достаточно на ногах, он уже почти не отставал от отца, следуя за ним по пятам, куда бы тот не пошел. Случалось, что отец посадит его на настоящую живую лошадь. Первый такой случай производит на казака такое впечатление, что он потом захлебывается от радости, рассказывая матери о том, как он ездил на отцовском коне.

Если отец идет к лошади, то казачок уже обязательно не пропустит этого случая и все время вертится около него. Часто при этом случается, что отец посадит на коня казака, а сам водит его по двору все время поддерживая руками сынишку. Кажется это доставляет одинаковое удовольствие не только казачку, но и родителю. Иной раз отец сам вскочит на лошадь, возьмет к себе казака и, посадив перед собой, поддерживая одной рукой, сделает несколько кругов по двору. О том восторге, который получает ребенок от этого, говорить не приходится. Много времени он будет надоедать потом не только матери, но и всем, рассказывая об этом событии.

Пройдет немного времени и казачок переменит место. Когда отец, сев на лошадь, отправляется к реке купать ее, казачок непременно будет сидеть с ним, но уже не впереди, а за спиной, охватив отца руками за поясницу. Разумеется, это делается не сразу, а постепенно, смотря по возрасту и крепости ребенка, но последователь-

ность соблюдается строго. В конце концов, „казачок“ добивается того, что отец, посадив его на лошадь и дав повод в его руки, под уздцы ведет лошадь к водопою. К этому времени ему уже надоедает постоянная опека отца, ему хочется проявить свою независимую волю в распоряжении конем, но этого, конечно, ему еще не позволяют. Тогда он изобретает свою собственную лошадь. Добыв каким-либо образом хворостину, „казачок“ принимает ее за лошадь, которая находится уже в полном его распоряжении. Он садится на нее верхом и гарцует по двору, когда ему хочется, как ему хочется, насколько в этом позволяют ему ноги. Но в то же время он и ухаживает за ней так, как делает это отец. Он ее поит, кормит, и убирает в те же часы, как и отец. Не пропустит время и отцу напомнит, что пора уже делать. Напив своего коня, он вместе с отцом идет к сену, чтобы принести и своему коню охапку. Отец, конечно, эту охапку переложит тайком в ясли, но „казачок“, не найдя ее, остается в полной уверенности, что сено съел его конь.

Среди детских игр и вообще баловства есть одно, которое по виду не имеет непосредственной связи с верховой ездой, но имеет громадное значение для будущего наездника. Нередко можно видеть, как двухлетний или трехлетний ребенок взбирается на спину старшего брата, ставшего на четвереньки, изображая собою всадника на лошади. Особенно часто это бывает на току во время молотбы. Во время перерыва старшие начинают ворошить разбросанный по току хлеб, а детвора рассыпается по нем и начинают кувыряться всеми способами. Тут падение на солому безопасно и изображающий собою лошадь начинает на четвереньках скакать, стараясь сбросить всадника, а последний употребляет все способы, чтобы удержаться на нем или нарочно падает на мягкую солому. Такой эквилибристикой бессознательно вырабатывается чувство сохранения равновесия, которое делается потом почти инстинктивным для всадника с этих малых лет.

Благодаря всему этому, казаченок ко времени отрочества уже достаточно для своих лет знаком с двумя главными орудиями будущей его деятельности — с оружием и конем.

(Продолжение следует).

Санжа Балыков.

Восточные соседи Казачества.

Жизнь современного государственного организма, со всеми его многообразными потребностями, повелительно диктует необходимость установления с соседями различных видов и способов отношений, каковые, в свою очередь требуют всестороннего изучения этих соседей, что и составляет в наше время одну из существенных отраслей внешней политики каждого государства.

Потребности трех видов междугосударственных отношений доминируют, главным образом, при изучении соседей: надобность установления экономических отношений определяет изучение свойств территориальной и экономической географии данной страны, состояние хозяйственной жизни народа, размеры и виды его естественных и искусственных национальных богатств и их грядущие перспективы; потребности при возникновении политической связи обуславливают изучение истории данного народа-государства и ознакомление с развитием и преобладающим направлением его общественно-политической мысли, т. е. всего того, что относится к области духовной и физической мощи его, и, наконец, возникновение культурных взаимоотношений, являющихся одним из положительных факторов в деле духовного сближения народов, влечет за собою неизбежность знакомства с бытом, нравами, обычаями, языком, религией, умственным творчеством и мирозерцанием народа, т. е. со всем тем, что в совокупности составляет душу народа.

Эта необходимость изучения соседей делается все

более неотложной, но значение его особенно усиливается для тех народов, которые, в силу предстоящих национальных задач, должны с наибольшею осведомленностью знать всех соседей. Казачество, с его задачами национального освобождения и государственного возрождения, с предстоящей ему грандиозной работой международного характера, которую оно должно будет проработать в первые же годы своего самостоятельного бытия, является именно таким народом.

Вот почему В. К. теперь же должно приступить к попытке изучения окружающего его мира, попробовать разобраться и определить в нем, как своих соседей — просто, соседей — возможных друзей и, также, соседей — возможных врагов. Настоящий очерк и имеет целью познакомить вольноказачью аудиторию с одним из ближайших соседей Казачества на востоке — с народом Киргиз-Казакским в первую очередь, а потом, если представится возможность, с народами Башкирским и Туркменским.

1. Киргиз-казаки.

а). Данные из истории.

Свое название „киргиз“ носит этот народ не будучи таковым. Сам народ называет себя „казачок“, так же называют их и другие народы Азии. Только русские называют их киргизами, отождествляя их с действительными киргизами, которые обитали в местах, теперь занимаемых казаками. Калмыки и китайцы, ко-

торы раньше других народов вошли в соприкосновение с казакими, называют их „хасак“, а казаков-христиан „хазак“. После русской революции казаки (киргизы) восстановили свое национальное название „казак“, а слово „киргиз“ отнесено к его настоящим носителям-киргизам, которые, будучи когда-то историческими событиями вытесненными из своих кочевий, населяют теперь горный район озера Иссык-Куля и известны под именем горных киргизов, составляющих коренное население Киргизстана. Называют их почему то еще бурутами, дикими киргизами, каменными, черными киргизами. Все эти названия, за исключением последнего, вероятно, приданы русскими описателями, которые вообще не церемонились ни с именами народов, ни с названиями географических мест.

Настоящий очерк посвящается только казаким „киргиз-казаким“, как их называют теперь. Вероятно, слово „киргиз“ приставляют, чтобы отличать их от казаков христиан; территория же киргиз-казацкого народа (со включением территории Яйцкого В.) известна в сов. союзе под именем „Казакстана“.

Ни в одном из использованных мною источников я не нашел данных о древней истории киргиз-казаков, как также тех или иных точных указаний о происхождении их. Сами же киргиз-казаки о своем происхождении имеют 7-8 различных и противоречивых преданий, из которых ни одному нельзя дать преимуществва вероятности. Разнообразность и противоречивость этих преданий иные исследователи объясняют наличием в киргиз-казацком народе потомков различных племен и народностей, которые и принесли с собою различные предания о происхождении киргиз-казаков.

Как известно, Средн. Азия на протяжении 2 тысячелетий служила ареной кровавой борьбы разл. народов, религий и культур, в результате чего произошло грандиозное смешение народов, с их культурой, историей и биологическ. и психологическими особенностями. Произошло это в частности и с киргиз-казакими.

Таким образом, нам придется ограничиться указанием исторических сведений о казак-киргизах, закрепленных в более поздние времена, когда они вошли в соприкосновение с Россией. Должен указать также и на изрядную путаницу и в этих сведениях, а потому подробное перечисление всех событий и лиц не только излишне удлинит бы настоящий очерк, имеющий быть сжатым, но и внесло бы сумбур в представления читателя, а потому исторические сведения о киргиз-казаким придется изложить схематично, отмечая наиболее крупные события, имевшие те или иные заметные последствия на судьбу всего народа.

В летописях России имя киргиз-казаков начинает фигурировать в 16 столетии. В 1569 году царь Иоанн Грозный послал к ногайцам, жившим тогда между Волгой и Яиком, некоего С. Мальцева, который сообщает о нападении на кочевья ногайцев казацких орл. Через четыре года опять русский двор посредством посылки посла пытается завязать сношения с казакими (киргизами), но посол этот перехватывается татарами и попытка кончается неудачей. Впоследствии задача установления связи с казакими (киргизами) возлагается царем на известных в истории братьев Строгановых.

Любопытно указать, что отряд Ермака при покорении Сибири имел столкновение не с татарами, как учит нас Русская история, а с киргиз-казакими, так как татарский хан Кучум был сам киргиз-казак и имел при себе войско, набранное из своих сородичей, а татарское войско было более или менее пассивным к участи своего хана. (Таких случаев в истории много. Так напр., гвардия Чингис-Хана состояла исключительно из монголов, хотя в подданстве его было множество народов; личная охрана Наполеона состояла исключительно из корсиканцев).

Весь киргиз-казацкий народ с начала 17 столетия делится на три орды-племени: большую (старшую), среднюю и малую (младшую). Разделение это, по преданию самих киргиз-казаков, произошло в результате раздела народа одним ханом между своими тремя сыновьями.

Сношение киргиз-казацкого народа с Россией начинается, будто бы, с тех пор, когда, после разгрома

Кучума, в одном из последовавших столкновений, попал к москвитам в плен киргиз-казацкий царевич Ураз-Магмет. Дядя его Тевкель, хан Казацкий, чтобы выручить племянника, послал в 1594 году грамоту царю Федору, в которой, прося освободить Ураза, он предложил Русскому царю подданство казакского (киргизского) народа. Само собой разумеется, что это предложение для самого Тевкеля не имело никакого значения, кроме уловки для освобождения Ураза, но Русскому царю не было дела до его уловки, грамота Тевкеля дала ему право называться, между прочим, и царем Казакским и считать киргиз-казаков в числе своих подданных.

В те времена киргиз-казаки занимали только середину своей теперешней территории, гранича на востоке с Зюнгарией, на севере с различными племенами Сибирских татар, на западе с ногайцами, а по вытеснении их калмыками, — с последними. Территориальное расширение киргиз-казаков на восток началось после кровавого покорения Зюнгарии Китаем, а на запад киргиз-казаки продвинулись, видимо, в первой половине 18 столетия, так как, в конце 17 столетия по рекам Уралу и Эмбе еще кочевали башкиры и калмыки. В первую голову продвинулись киргиз-казаки на север, за счет слабых и не организованных татарских племен. На юге же в 17 столетии киргиз-казаки владели Туркестаном. В 1630 году Казакский хан Ишим имел свой престол в гор. Туркестане. Этот Ишим известен своими войнами с зюнгарцами в царствование там Батырь-Хун-Тяджи. В 1643 году киргиз-казакский народ очутился под прямой угрозой завоевания зюнгарцами, когда Батырь-Хун-Тяджи с 50.000 войском, вторгнувшись в пределы Казакских (киргизских) земель, быстро начал продвигаться вперед. Только искусство командующего Киргиз-Казакским войском султана Джангыря, который, заманив Батырь-Хун-Тяджи в узкий горный проход и задержав его здесь, другой половиной своей конницы напал на врагов с тыла и тем заставил их отступить.

Надо заметить, что все казак-киргизские ханы и султаны считают себя потомками Чингис-Хана, как и большинство ханов и нойонов Азии, что, принимая во внимание, обширное потомство Чингис-Хана от его многих законных и незаконных жен, весьма вероятно. К сожалению, их родословное не делает их хоть в малой доле такими же гениальными, как их родоначальник.

Ханом киргиз-казаков, оставившим в своем народе благодарную память, считается хан Тевкя. Он дал стране покой, порядок, законы и народ при нем благоденствовал. Управление его базировалось на морали и разуме, а не на жестокости и строгости.

После смерти хана Тевкя, вследствие раздоров между ханами, мощь киргиз-казаков ослабела и соседи: Волжские калмыки, Сибирские казаки, татары и зюнгарцы явно стали угрожать свободе и самостоятельности киргиз-казаков. Особенно реальной была угроза со стороны Зюнгарского хана Галдн-Церена.

Такое грозное положение заставило Киргиз-Казакских ханов образумиться, на время объединиться и, на общем собрании, избрать руководителем национальной обороны хана Абуль-Хаира, который успешными действиями отразил поползновения врагов-соседей и разбудил в своем народе волю к свободе и независимости. Однако, Абуль-Хаир решил, что враги сильны и что порядок и мир среди киргиз-казаков продолжится недолго, внутренние трения между ханами начнутся опять и единственной гарантией целостности и неприкосновенности территории Киргиз-Казакского народа и прочности собственного положения он счел подпадание под покровительство одного из сильных соседей. Таковым он избрал Россию. Долго пришлось всякими способами улаживать Абуль-Хаиру упорство своего народа, не желавшего хотя бы формально расставаться с своей свободой, но упорством он добился, наконец, своего. Возможно, что сам Абуль-Хаир не придавал особенного значения факту признания над собой власти России, так как он одновременно считался и подданным Зюнгарского хана, но не так смотрела на это Россия, не так реагировало на это народное чутье. Желающих присягнуть все же Абуль-Хаиру удалось привести весь

ма немного, но для начала и этого было вполне достаточно, чтобы ликовал русский двор.

Так, почти исключительно в видах укрепления своего личного положения, принеся этот хан свободу своего народа к подножью русского трона. Но, его надежды укрепиться со всем своим потомством на своем месте и обеспечить неприкосновенность территории киргиз-казаков не оправдались...

Случай, когда тот или иной Киргиз-Казачий хан, письменно или устно извещая Русскому царю свою покорность, были и до этого, за которыми никаких практических последствий для национальной свободы не следовало, но не так было на этот раз, а потому первой и официальной датой потери киргиз-казаками самостоятельности следует считать именно акт хана Абуль-Хаира 1732 г. о добровольном покорении его императрице Анне Ивановне. Правда, и после этого еще долгое время зависимость киргиз-казацкого народа от России оставалась только номинальной, но русское влияние началось уже при жизни самого Абуль-Хаира и продолжается до сих пор.

Акт этот не привел в официальное подданство всех трех орд киргиз-казацкого народа. Большая орда, расположенная ближе к Китайской границе, сохранила свою самостоятельность, хотя Абуль-Хаир, при своем принятии присяги, имел представителей и от большой орды, которые оказались просто подставными лицами, привлеченными Абуль-Хаиром для увеличения своего веса перед русским двором.

При принятии Российского подданства Абуль-Хаир добился от русского императора утверждения ханом Киргиз-Казаккии своего рода на „вечные времена“, что и было одним из главных мотивов подпадения под протекцию русского царя.

Приняв под свое покровительство киргиз-казаков, русское правительство, взамен предоставления им покоя и возможностей приобщения к культуре, начало использовать их, как орудие для покорения и ослабления других соседних им народов. Оно умело натравливало по надобности киргиз-казаков на калмыков, татар, башкиров и обратно, в зависимости от того, кого из них надо было „прижать“. Например, в инструкции данной императрицей некоему Кириллову, командированному с отрядом в Уфу так и сказано: „Надзирать за башкирами, смотреть равным образом и за киргиз-казаками. Если же те, или другие будут волноваться, то употреблять один народ против другого, сберегая русское войско“.

В годы же внешнего спокойствия оно всячески поддерживало анархические выступления отдельных владельцев среди самих киргиз-казаков, стравливая ханов орд и владельцев родов на междоусобные, враждебные действия, а затем мирило их, чем незаметно и постепенно начало накладывать свою руку на все внутренние дела киргиз-казацкого народа. Одной рукою одаривая Киргиз-Казачьих ханов всякими подарками — облезлыми шубами и ржавыми саблями, выдавая им регулярное жалованье, строя им жилища (да поближе к русской границе), другою рукою оно наводило край переселенцами, узаконяло все их незаконные захваты добра и лучших земель, оттесняя хозяев в более бесплодные области...

Излагать подробно и систематически все исторические перипетии киргиз-казацкого народа не считаю для настоящего очерка возможным. Остается сказать, что, утвердив в Киргиз-Казаккии ханскую власть, Россия не могла не видеть в лице этих ханов признаки национальной власти и на очереди назревала необходимость уничтожения власти ханов. Хань привели свои народы под власть России и они теперь были не нужны. Случай не замедлил представиться в ханство в Нурали в лице Сырыма, который происходил из народа, умом, энергией и демагогией сумел установить при наличии хана, что-то вроде современной диктатуры, чем очень уронил в глазах народа престиж ханской власти. Само собой разумеется, что он пользовался в своих деяниях всяческой поддержкой русского двора через миссию ба-

рона Ингельстрома. Утверждение потомков Абуль-Хаира „на вечные времена“ было уже забыто.

Однако, опыт с Сырымом показал русскому двору, что затея начата рано. После непрекращающихся беспорядков, причинявших значительный ущерб русской торговле и колонизации края, Екатерина, после смерти Нурали, назначила в 1791 г. Киргиз-Казачьим ханом одного из сыновей Абуль-Хаира — Эрали. Ясно, что русское правительство не могло поддерживать принципов правильного ханского престолонаследия, что значительно способствовало бы успокоению народа, а оно, в зависимости от личного расположения того или иного претендента к русскому двору, выдвигало и проводило своих кандидатов, что, при наличии законных наследников, неизменно порождало смуту в народе.

Потерявший поддержку русских Сырым-батыры, желая отомстить России, неоднократно пытался отложиться с киргиз-казацким народом из под власти России, но ничего из этого не вышло и никаких изменений в судьбе народа его попытки не внесли.

Рядом с такими „мероприятиями“ по упорядочению жизни киргиз-казаков, шла постройка крепостей, торговых базаров, вселение поселенцев на Киргиз-Казачью землю, принимались меры по разжижению коренного населения края. Так напр., 13 августа, 1786 года, всем киргиз-казакам, желающим переселиться в пределы России с султаном средней орды Худай-Менды, повелено было бесплатно отводить земли и давать безвозвратные денежные пособия; начали строиться школы с прохождением курса на русском языке, заработали миссионеры и т. д.

После смерти хана Эрали в 1794 г. русский двор проводит в ханы своего приверженца Ишима, старшего сына Нурали, который уже имеет в качестве „личной охраны“ при себе русский отряд. Другой сын Нурали — Букей в 1801 году со всеми своими людьми в 10.000 кибиток переходит в пределы России и поселяется на землях, покинутых Волжскими калмыками, и кладет начало образованию „Букеевской орды“, не подчиненной никакому хану из центра Киргиз-Казаккии.

Наконец в 1820 годах ханат совсем уничтожается, сперва в средней орде, а потом и в других и киргиз-казацкие орды с тех пор разделены на округа, да при этом так, чтобы люди одних и тех же родов попадали в различные округа, которые управляют на „основании особого положения, об управлении государственным имуществом“. Земли киргиз-казаков перешли в собственность государя императора, а сами киргиз-казаки, т. е. хозяева... временно пользовались ими на арендных началах.

Так, „употребляясь“ в интересах России против соседей, часто и сами неразумно прибегая к помощи России во взаимной вражде с соседями, все чаще и чаще давая возможность русской власти вмешиваться и разрешать свои внутренние неурядицы, постепенно падают народ киргиз-казацкий в крепкие тиски России и выходит на роковую дорогу закабаленных народов — ассимиляция, обрекается на духовный и физический застой. Так, вследствие отсутствия у тогдашней власти — Киргиз-Казачьих ханов — правильной национальной политики, потерял свою свободу народ, как по численности, духовной мощи, так и по своим местным жизненным ресурсам могший жить и не прибегая ни к чьей опеке.

Ханы Киргиз-Казачьие ушли в вечность, заведя свой народ в кабалу. Впрочем, надо заметить, что история киргиз-казаков, в связи с историей расширения пределов России, не составляет какого-либо исключения из общей истории всех народов Азии. Все эти башкиры, буряты, калмыки, туркмены, узбеки, татары и пр. пр., повторили историю подпадения киргиз-казаков под власть России и участь всех была и есть одна. С одной стороны на лицо была систематически преследуемая определенная политика (Россия), а с другой — недальновидное преследование частных, сегодняшних целей, связанных с интересами личностей и полное отсутствие целей государственных-национальных (народы Средней Азии).

(Продолжение следует).

Д. Воротынский.

Ф. Д. Крюков.

(Воспоминания и встречи)*.

Федор Дмитриевич Крюков (он же Ив. Гордеев) родился в семье казака из дворян Дмитрия Ивановича, в станице Глазуновской, Донской области.

Отец его был зажиточный, хорошо грамотный, долгое время занимал в станице пост станичного атамана. Семья Крюковых была небольшая: отец, мать Акулина Алексеевна, сестры Марья и Авдотья и брат Александр, впоследствии лесничий. Вероятно, будучи на должности станичного атамана, Дмитрий Иванович и решил дать сыну Федору образование.

Огца я не помню совершенно, но матушку Акулину Алексеевну, которая „души не чаяла в своем Федюшке“, помню отлично; она умерла, когда я учился в Усть-Медведицком духовном училище. Помню, Федор Дмитриевич часто вспоминал фразу одного старика, который говорил ему: ты „теперь Федор Митрич, осиротел, приедешь из Петербурха домой, как к холодной печке“.

Среднее образование Ф. Д. получил в Усть-Медведицкой классической гимназии. Время тогда было „реакционное“. Наказным атаманом на Дону был князь Святополк-Мирский, он всячески старался изгнать из казачьих краев „свободолюбивые школы“ и стараниями сего прославленного атамана гимназия в станице Усть-Медведицкой была закрыта. Не знаю, пришлось ли Ф. Д. успеть закончить гимназию на месте, или он кончил ее в Новочеркасске, но закончил он ее блестяще, кажется, с золотой медалью.

У Дмитрия Ивановича был участок земли в 200 десятин, он его продал и сын Федор получил возможность продолжать образование: он поступил в Петербургский Историко-Филологический институт, по окончании которого и занялся педагогической деятельностью. Был преподавателем истории сначала в Нижнем Новгороде, потом в Орле, но в последнем его педагогическая карьера оборвалась: его уволили за „неблагонадежность“ и с той поры он окончательно посвятил себя литературе.

Писательский дар у Ф. Д. пробудился в зрелые годы: когда он был студентом, то его внимание привлекли курьезные протоколы Глазуновского станичного суда. В каждой станице существовал при станичном правлении местный судебный институт так называемых „почетных судей“. Сии судьи избирались из старых грамотных казаков и их ведению подлежали всякого рода мелкие тяжбы. Заканчивались оные суды по большей части мировой сделкой и обильным пьянством. Вот эти станичные суды и заинтересовали Ф. Д. Он рылся в старых архивах правления и выкапывал из них перлы родного казачьего языка. Не знаю, где он печатал эти исторические для станицы документы, но после этих дебютов его заметили в Петербургских литературных кругах и он вышел на писательскую дорогу.

Кажется, по окончании историко-филологического института он поехал по Волге, написал Волжские очерки, которые печатались в Суворинском „Новом Времени“ (А. А. Суворин всегда открывал двери начинающей молодежи), они то и дали Крюкову настоящее литературное имя.

После этого он пишет первый рассказ „Казачка“, помещает его в „Русском Богатстве“, издаваемом В. Г. Короленко и с тех пор Ф. Д. примкнул к народническому кружку, возглавляемому этим журналом и оставался верным ему до Великой войны.

Федор Дмитриевич был истинным демократом с студенческих лет; демократом он проходил свою педагогическую службу; сугубый демократизм проявил он в

1905 г. и в годы властвования Государственной Думы, членом которой он был избран.

С присущим ему юмором он сам про себя рассказывал, как он продал свою учительскую с бобровым воротником Николаевскую шинель с кашпоном „за ненужностью“, когда его разжаловали из учителей. Матушка Акулина Алексеевна долго его ругала, что он „продешевил кипишон“, что он „в кипишоне похож был на барина“ и он молча слушал справедливые упреки матери.

Все свои тужурки и сюртуки учительского ведомства Крюков пораздал старикам в своей станице Глазуновской и долго память о былой службе Ф. Д. жила среди казаков. Старики Иван Афанасич („дворецкий“ Крюковых, как его называл Ф. Д.) и горбатый Бунтишка долгие-долгие годы в праздничные дни приходили в церковь всегда в его сюртуках; уже и желтые с орлами пуговицы были заменены в перемену и черными и серыми, но следы от квадратных погон так и не могла смести никакая давность.

В революционные 1905 и 1906 гг. в своей родной станице Глазуновской Ф. Д. безмолствовал, не хотел насыщать казацки головы туманами социализма, но зато в окружной Усть-Медведицкой станице он „метал громы и молнии“ по адресу правительственной и царской „скверны“.

При мне летом 1906 г. Усть-Медведицкие „социалисты“, тогда еще студенты, П. М. Агеев, П. А. Скачков и дьякон Бурькин арестовали окружного атамана ген. Филенкова и продержали его в писарской станичного правления под арестом в течение полдня. Помню, Агеев и Скачков закончили свои зазорные речи, как на бочку, заменяющую трибуну, вознесся в подряснике милейший человек, но никудышний оратор дьякон Бурькин и только что протянул, словно с церковного амвона, несколько избитых фраз, как в толпу протиснулся Ф. Д. Крюков в белом чесунчевом пиджаке и в фуражке защитного цвета. Толпа (не преувеличивая, можно сказать, что нас было не более двух сот человек, зеленой молодежи; это, повидимому, была вся „революционная опора“ того времени, станица же Усть-Медведицкая насчитывала тогда около 20 тысяч жителей) сразу встретила его громовым „ура“. Слово по шучьему веленью, к станичному правлению подкатила нарядная тройка почтара Божкова (как оказалось, ее специально заказали для Крюкова).

По окончании митинга, Ф. Д. предложили сесть в экипаж, но он отказался и соборне со всеми „ораторами“ шел пешком почти через всю станицу, хотя тройка все время следовала по стопам „революционеров“.

После уже в Глазуновской я и моя сестра смеялись над Ф. Д. Смеялся и он: „Я боялся садиться, Филенков смотрел в окно, а ведь на этой тройке он один и ездил, он генерал, а я так на купчишку похож.“

Об этих выступлениях в станице Усть-Медведицкой позже Ф. Д. вспоминал, как о самых неудачных днях своей „революционной“ жизни.

Революционная деятельность Крюкова закончилась с разгоном первой Государственной Думы. За подпись Воробьинского воззвания он отсидел три месяца в „Крестах“ и после этого Наказный атаман Войска Донского (фон-Таубе, если не ошибаюсь) воспретил ему право жительства на Дону в течение одного года.

Когда, после изгнания, он приехал в свой родительский дом на каникулы, мы его не узнали, так далеко отлетели его вольные мысли...

Последние годы литературный отдел „Современных Записок“ (бывший журнал „Русское Богатство“) редактировал Ф. Д. Крюков и, не смотря ни на какую перегруженность редакционной работы, он аккуратно из года в год на Рождество, Пасху и каникулы приезжал в свой родной угол. В редакции все ему завидовали и называли „гимназистом“.

*) Мои отрывки не есть биография Ф. Д. Крюкова, я их пишу исключительно по памяти, как хороший знакомый и станичник, пользоваться же собиранием материала для полной биографии Ф. Д. вне родины не возможно.

Небольшой, низкий, крытый жестью домик Крюковых весь утопал в зелени и лишь парадное крылечко было открыто и это крылечко было излюбленным местом нашего писателя-казака. С крылечка открывалась необыкновенно красивая панорама Глазуновской. Прямо шла широкая улица, которая тонула в душистых сказочных левадах. Влево стояла старинная кирпичная, выкрашенная белой масляной краской, большая Кресто-Воздвиженская церковь. Вправо на углу была почта и короткий переулочек, упирающийся в калитку большого фруктового сада Крюковых. Около церкви в праздничные дни, в течение всего лета, бывал базар и Ф. Д. с маленьким блок-нотом в руках любовался веселой базарной толпой и ловил красоты родной ему казачьей речи. В промежутки между утреней и обедней к нему приходили старики, приехавшие с хуторов помолиться, расспрашивали всякие новости и Ф. Д. охотно делился с стариками на интересующие их вопросы. Если он видел, что кто-либо из стариков может дать ему яркую фигуру для задуманного рассказа, он тогда задерживал старика, угощал водкой и списывал героя с натуры. Некоторые казаки не долюбливали Ф. Д. за такие „премы“: попадись ему, а он тебе сейчас и на цугиндру, да в газетах и пропишет, заправский Крюк, цапучий страсть!

Когда Крюков был в расцвете своей литературной славы, нас, учащихся, в станице насчитывалось уже с десяток и все мы с нетерпением и радостью ожидали его приезда на летние каникулы. Знали, что наши бабышники будут смеяться над его длинными до колен синими и черными сатиновыми рубашками и залатанными штанами. В особенности донимала его моя сестра: — И что вы, Ф. Д., все в рваных штанах ходите, хоть бы по праздникам надевали хорошие!

— Чаво же, А. И., по садам за бабами гоняться — все равно порвешь, так уж Маша (сестра) и не дает мне новых штан.

Ф. Д. так преклонялся пред казачьим языком, так его боготворил, что сам всегда говорил, как простой казак.

Никогда не было печали на его некрасивом лице, когда он гостил дома, и в обществе Крюкова можно было хохотать до колик в животе.

Любил он собирать около себя молодежь еще и потому, что он безумно любил свои родные казачьи песни. Высшим наслаждением для Ф. Д. было играть казачьи песни, особенно старинные и не было ни одной песни, которой бы он не знал.

Казачья песня это была страсть Ф. Д. Он не был певцом, но подголосок у него был бесподобный, редкий из знаменитых станичных подголосков мог соперничать с Ф. Д. и его высокий тенор звучал поистине, как колокольчик в безграничных степях казачьих привольий. Станичные старики, унесшие ныне с собой в могилу печальные напевы старинной казачьей песни, дивились его необыкновенному мастерству „подголашивать“ и сами зарожались молодостью, когда в их компании часами заливался Ф. Д.

„И иде он их только перенял? кажись, ученый человек, а от нашего брата не отличить“, — говорили про него с гордостью седобородые, крепкие, умные старики.

Наша казачья интеллигенция совершенно не знала казачью песню, кроме двух-трех избитых. Мало того, казачья интеллигенция пренебрегала ею, скажу прямо — презирала ее, издевалась над ней, словно это была песня степного дикаря и поэтому для простого казака действительно казалось странным слышать свою родную песню от человека „из другого мира“. Революция разбудила любовь к своей родной песне у казака-интеллигента, теперь она не звучит, как дикая, но увы! безвременно оборвалась и затихла надолго...

Сверстники Ф. Д. говорили, что его еще студентом заворожили казачьи напевы и он ходил в станице по свадьбам и гулянкам и, не зная устали (он совершенно ничего не пил), голосил с станичниками до последних кочетов.

Редкий летний вечер проходил, чтобы Ф. Д. хоть немного не поиграл песен и если у него не было компании, то он играл с братом Александром. Постоянным

другом Ф. Д. по песням был портной Семен Сливин: с ним он „творил чудеса“ и мы, молодежь, притаившись где-нибудь, далеко за полночь, с затаенным дыханием слушали чудесную степную музыку.

Я нарочно уделял особое внимание казачьей песне, ибо для Крюкова „дикие“ степные мотивы были молитвой. С какой любовью он записывал песни! У него их было множество, но я не знаю ни судьбы этих записей, ни вообще судьбы всех его рукописей.

И в его взлелеянном саду, который был рядом с нашим за станицей, у Прорвы, когда мы там собирались большой толпой в летние душные ночи, мы мало говорили, но зато песни сменялись одна другой, Ф. Д. в такие моменты жил только песнями, они были для него дороже всего на свете.

Сад у Крюковых был большой, с разными сортами яблонь и груш, с красивой длинной аллеей, с домиком в саду, где он часто спал, охраняя сад от воровливых мальчишек.

Другую страсть Ф. Д. были кулачки. Начиная с Покрова, когда станица совсем заканчивала уборку хлеба и наступала пора сравнительного безделья для казаков, в темные осенние вечера начинались традиционные кулачки. Наша станица делилась „на верх“ и „на низ“, Ф. Д. жил как раз на границе, но считал себя „верховым“, а потому он „магрчил“ всегда свою сторону, подбадривая верховых четвертями водки. Часто руководил сам драками и благодарил потом победителей. Тоже его сверстники рассказывали, что в студенческие годы Ф. Д. сам становился в ряды бойцов и его хватке удивлялись первокурсные драчуны.

Мне еще хочется остановиться на спектакле, который как то на Святках Ф. Д. организовал с братом. Тогда Ф. Д. был еще молодым, а брат был, кажется, студентом второго курса Петербургского Лесного института. К спектаклю готовились благоговейно; Ф. Д. подтягивал актеров и они вытвердили роли на зубок. Спектакль состоялся в приходском училище и народу набилось до отказа. Не помню теперь, что ставили, но divertimento с участием церковного хора и братьев Крюковых прошел блестяще. Ф. Д. с изумительным мастерством прочитал „Ярмарку в Голтве“ Горького, а брат „Песню о соколе“. Чтецом Ф. Д. был первоклассным, об этом мне приходилось слышать уже в Москве и, говорил, он прекрасно читал Чеховские рассказы, но, к глубокому сожалению, в роли тещи я слышал его только один раз.

Заканчивая станичные встречи с Крюковым, нельзя забыть 1914 год.

Наш дом стоял у самого станичного правления и я что-то делал в полисаднике, как в 9 час утра большой рысью к правлению подлетела пара почтовых лошадей и с тарантаса соскочил, держа в правой руке красный флажок, полицейский урядник.

Либизация! — закричали в станичном правлении сидельцы и весть о войне молниеносно полетела по всем дворам.

Был жуткий день и я побежал на почту за газетами. На излюбленном крылечке своего дома сидел, со слезами на маленьких глазах, Ф. Д. Около него уже толпились казаки. Он был поражен такой вестью; я сразу заметил смущение на его лице; он терялся, что и как ответить казакам на вопросы о начавшейся войне с немцами.

Через два дня наша станица Глазуновская превратилась в военный бивуак. Редкий день не проходил, чтобы не отправляли Бог весть куда служивого и не было ни одного казака, на провах которого не присутствовал бы Ф. Д. Сам собой установился порядок, что батюшка, о. Дмитрий, служил напутственный молебен на улице, как раз против дома Крюковых и взволнованный Ф. Д. всегда истоиво молился с толпой. По окончании молебна о. Дмитрий каждому казаку говорил о долге перед Родиной, а после батюшки с тем же призывом служить во имя Отечества выступал и Ф. Д. Сколько глубокой тоски и жалости было в его напутственных словах к своим станичникам, историю жизни которых он знал до мелочей, и сколько трагического и отцовского было в его заключительных двух

словах: во святой час! Каждый служивый по казачьему обычаю кланялся в ноги на пыльной земле Крюкову, троекратно лобызался и вся толпа медленно трогалась, возглавляемая Ф. Д., за станицу, до Мечетного барака. Тут снова повторялся тот же обряд и Ф. Д., молчаливый, возвращался с проводом домой.

Взвирренный патриотическим порывом, Крюков предлагал нам, станичной молодежи (в то время в станице было уже с полтора десятка учащихся и учителей; одних нас, студентов, было пятеро), устроить манифестацию в Глазуновской, пройти с флагами и пением национального гимна по улицам, но мы так и не исполнили тогда этого жеста.

Война перевернула все прежнее бурлящее возмущение и убеждения Ф. Д. и он открыто перешел на сторону монархии. Он сделался каким-то чуждающимся встреч с нами, так сильно грызла его тоска по отъезжающим на войну станичникам и даже казачья песня совершенно замолкла в его устах в знак печали по Казачеству.

Тогда в „Русские Ведомости“ он писал лучшие страницы из жизни родного угла и, бывало, заглянешь в полночь с улицы в раскрытое окно его комнаты, а на маленьком столике горят две стеариновые свечки и он, вооружившись одновременно очками и пенснэ (он был сильно близорукий), писал и писал станичные картины...

С каникул в Петербург Ф. Д. всегда возвращался поздно, когда у них дома заканчивалась хлебная уборка и когда в садах начинали уже золотиться листья. Уезжал он на почтовых, обычно в будний день. Провожали его только родственники, да соседи. При жизни матушки Акулины Алексеевны, вся семья Крюковых перед отъездом накануне у вечерни непременно служила молебен, но со смертью матери этот высокотрогательный обычай вывелся, хотя Ф. Д. часто вспоминал поездки с молитвой.

По дороге в Петербург Крюков почти всегда оставался в Москве и когда я был студентом, я всегда встречал его на вокзале и мы проводили время вместе до вечера. Помню, как-то он приехал поздней осенью, весь заросший волосами и я его повел приводить в „городской“ вид в известную парикмахерскую Генз, на Тверской. Лоск наводили долго, мыли голову, мазали, подправили усы и бороду и когда Ф. Д. стал расплачиваться, то с него взяли 1 р. 25 к. Крюков пришел в ужас от такой цифры и часа два „мылил“ меня за то, что я „удружил“ ему: лучше бы я у Молокова (столяр) в Глазуновке постригся, по крайней мере задарма. Несу статью в „Русские Ведомости“, так придется еще прибавить строк, чтобы стрижку отработать.

Из станицы он возвращался обычно без денег и в „Русских Ведомостях“ всегда брал аванс.

Обедали мы у „Мартьяныча“, где кормили по московски до отвала и Ф. Д. особенно любил квас, который подавался в больших прозрачных кувшинах. Как-то после такого тяжелого обеда мы пошли к В. В. Вересаеву, который заведывал тогда „Московским книгоиздательством писателей“. Ф. Д. принес Вересаеву напечатанные в „Русском Богатстве“ рассказы, для издания их отдельной книгой. В том же году и вышел первый том его рассказов, но пошел он плохо и Ф. Д. крайне нервничал и ругался: „Чаво же, мне мало кто знает, так и на стрижку в вашей цирюльне не заработаешь.“

На первом томе он заработал что-то совсем мало и я вспоминаю такую сцену. Прибыли мы на Николаевский вокзал за полчаса до отхода поезда и в вокзальном киоске какая-то интересная дама спрашивает Мясищикова. А ты, стерва, Крюкова купи, все бы я и заработал, забурчал Ф. Д.

Подошли и мы к киоску и спросили Крюкова, но таковой книжки не оказалось. Хохотали оба долго.

— Нашему брату, писцу, всегда везет, — сказал Ф. Д. и рассказал про свою повесть „Зыбь“.

Как известно, одно из самых крупных и сильных

произведений Крюкова „Зыбь“ была напечатана в № 27 сборника „Знание“, главным редактором которого был тогда Максим Горький. Горький в то время был в полном „расцвете“ и к нему в „Знание“ тянулись все корифеи тогдашней беллетристики. Мы восторгались „Поединком“ Куприна, „Иудой из Кариот“ и „Жизнью о. Василия Фивейского“ Леонида Андреева, „В стране отцов“ Гусева-Оренбургского. Сборники „Знание“ читала вся Россия.

Ф. Д. любил Горького, был с ним знаком лично и Горький попросил его дать для одного из сборников „Знание“ что-нибудь из казачьего быта. Ф. Д. и написал тогда „Зыбь“.

„Посулился, подлец, заплатить по 500 целковых за лист, а дал только по 300, так мой гонорар за Максимкой и ухнул. Жаль, что не пью, а то бы по казачьей ухватке по мурсалу Максима съездил...“

Крюкова все время интересовала богатырская личность Степана Разина, он много думал о нем, пробовал собирать материал в Императорской Публичной библиотеке, но бросил. „Трудно работать в чужом огороде; для такого, как Степан Разин, нужен талант не мой, а как у Толстого, или у Горького“.

Хотелось Ф. Д. написать драму из казачьего быта, но и эту мысль он отбросил, потому что „будет народ смеяться над нашими разговорами и ничего не поймет“.

Стихов Крюков никогда не писал и уже в революционный период он подрил нам, казакам, свое знаменитое стихотворение в прозе „Родимый Край“, которое и было его лебединой песней...

Прошли года.. Тяжкие годы Великой войны народов... Кошмарная „бескровная“... Я служил в Москве; письма с родины получал редко и про Крюкова почти не знал. Он жил в Новочеркасске и занимал высокий пост секретаря Донского Войскового Круга. Был и главным редактором офицоза Войска Донского газеты „Донские Ведомости“. Он принимал деятельное участие в журнале „Донская Волна“, украшением которого, кроме Крюкова, были Р. П. Кумов и Виктор Севский (Краснушкин). Обо всем этом я узнал слишком поздно...

С фронта я послал Ф. Д. мои очерки о жизни Москвы конца 18 и начала 19 гг. „Проклятый город“, но он почему-то переслал их в Ростов и они были напечатаны в тамашней „Народной Газете“.

Я стремился попасть в Новочеркасск, чтобы после долгих лет увидеться с Ф. Д., но командировки из полка мне получить так и не удалось.

Август 1919 года. Уже по всему фронту было смятение. Наш полк остановился на три дня в станице Скуришенской, в 7 верстах от Глазуновской, и я немедленно отправился в свой родимый курень. Сестра сообщила мне, что Ф. Д. только вчера приехал из Новочеркасска и я стремглав помчался к Крюковым. Дома его не застал, он ушел в сад. С волнением я подошел к домику, спрятавшемуся в больших ветвистых яблонях. Ф. Д. с тремя казаками собирался уходить. Расцеловались, но слов не было.

— Ну, как дела? — спрашиваю после заметной паузы.

Махнул безнадежно рукой.

— Пропало... все..

Это была моя последняя встреча с певцом Казачества.

На другой день он покинул навсегда свой родимый угол — Глазуновскую.

Через два дня покинул и я Глазуновскую, вспомнив страшные слова Ф. Д.

Пропало... погиб и сам Крюков: страшный бич человечества — тиф — сломил сильное тело и духом Ф. Д. и он тихо скончался в морозный день лютой зимы 1920 года в Кубанских степях...

Угас нежный пенец Донских степей, но память о нем — с нами всегда.

И жертвенник погас,
Но дым еще струится.

Париж. 1931.

Думы и мысли.

Ив. Томаревский. (Болгария).

Любовь и гордость казака.

Казак особую имеет
Любовь к оружию, коню.
Он ценит, холит их, лелеет,
Не даст в обиду никому.

За них и за свою свободу,
За весь простор родных полей
Готов казак в огонь и в воду,
И жизни не щадя своей.

Он в поле, дома — неразлучен
С винтовкой, шашкою, конем.
Всегда имел их в виде лучшим,
Блестящих шелком, серебром.

И горд казак, когда другие
Глядят любуются на них...
За золото, камни дорогие
Не променяет в жизни их.

Е. Булавин. (С. Америка).

„Ревунки“.

Зима в права свои вступила:
Заносы снежные кругом,
Все белым саваном покрыла
И заковала реки льдом.

В погоду ясную, под горку
Коньками, санками, „клубком“, —
Гурьбой детишки в перегонку
Стремглав летят, забыв о всем.

Спешат, визжат, живым кольцом
То вверх, то вниз. Везде возня,
И поминутно превращаясь
То в пассажира, то в коня.

Набилось снегу в одежку,
Промокла обувь вся насквозь,
А все же тянутся вдогонку
Пока уж стал крепчать мороз.

И вот уж солнышко закрылось,
Лучем скользнуло по холмам,
С детьми приветливо простилось, —
Пора теперь и по домам.

Закостенели руки, ноги,
Не гнутся пальцы в кулаки,
Сопят, молчат, лишь до порога...
Вдруг разразились „Ревунки“...

На Новый Год казакам-братьям.

Не знаю, общее ль это явление, но каждый год, в его начальный день, ко мне приходят вновь одни и те же мысли.

Как старый костюм, со днями изношенный, становится „неловким“, так „неловко“ становится чувствовать себя в старом костюме половинных чувств, — обычных заурядных мыслей, шатких, обыденных и обычных намерений.

И каждый год, в его начальный день, в день и минуты встречи Нового Года, — за бокалом ли вина, как бывало „там“, в шумном обществе, с дамами, или за грязным столом, с одинокой рюмкой, „черного“ вина, в сербской „кафане“, — ко мне является, всегда одна и та же, безумная, дерзкая, но светлая и возвышенная мысль о том, что теперь, наконец, „в этом году“, я сброшу мой старый костюм и чувств, и мыслей, и намерений, и наряжусь в новый — из чувств высоких, свободных, как мечта, и тех ярких, как звезды, намерений, какие отрывают душу от широких дорог, пробитых толпой, и бросают ее в облака, в ту высоту, куда залетают „безумно-храбрые“; те из них, что вдруг, порвав с обычностью, бросаются „вверх“, как

стрела, или „вниз“, как камень, глядя холодными глазами в самый ужас смерти, с душой, готовой на все, настолько сильной, безумной и царственно дерзкой, что жизнь не успевает за ними, с ее маленьким „страхом“.

С такой душой погибли Нежессер и Колли в борьбе со стихиями над бушующим океаном.

С такой душой летел и победил океан Великий Линдберг. С такой душой пали многие из наших братьев на Дону, Кубани и Тереке, за свет жизни, за свободу и правду...

С такой душой становится не страшным то вечное пугало трусливой обыденности, что зовется подвиг...

И эта мысль о святом и дерзком подвиге не оставляет меня никогда в минуты встречи Нового Года.

Не отрицаю и признаю сейчас, что много было лет, навстречу которым шли те же намерения... и были... бесплодные.

Но, это не закон. Я твердо веровал и верю сейчас, что тот, кто не совершил своего подвига вчера, — может сделать его сегодня... Кто 20-30 лет все собирался сделать... и не сделал, и не принес еще своей жизненной жертвы, — и тот не потерял для подвига, если есть еще хоть один день живой жизни в будущем, когда его сделать не поздно... Ибо подвиг, почти всегда, живет в минутах и совершается в мгновениях...

Взглянем же, братья казаки, в минуты встречи „этого года“ более внимательно и смело в глаза себе — самим, в глаза всем и всему окружающему так, как подсказывает каждому из нас наш личный подвиг и сделаем именно то, что он от каждого из нас потребует.

И если будет так, Вы неизменно увидите, как многое в условиях, окружающих нас, изменится и самая жизнь наша, бездомная, тяжелая, нудная и пустая, — станет нужной и светлой...

Борьба за родину захватит всех и достижимой окажется мечта нашего возврата к родным берегам Тихого Дона... Кубани и Терека...

Только от этого? спросят быть может многие „издалека“. — Да, только от этого, через тысячи верст, отвечу я твердо из Княжевца... Только личный подвиг, только он один и никто другой, и никакие другие, не выведут нас из тупика эмиграции, в котором беспомощно, как рыба на берегу, мы бьемся десять лет... и будем биться еще десять, — вечно у того же разбитого корыта, до тех пор, пока из него нас не вырвет железной рукой — железный подвиг. От жалкой обыденности и „низов“ жизни он бросит нас „вверх“, в настоящую казачью борьбу — на жизнь и смерть... Чтоб всем победить, иль никому не вернуться.

Вот куда ведет нас личный подвиг и вот откуда придет спасение...

Если мы, конечно, думаем о нем по-казачьи и по-казачьи решимся его достигнуть.

3-1-31.

И. М. Назаров.

Бухарестские письма.

IV.

Под наплывом прошлого.

Говорят, что в зимний вечер приятно сидеть над горящим камином и отдаваться воспоминаниям. Не пробава.

Но вот над курящей печкой — в полудыму — сижу сейчас, осажденный наплывом прошлого. На чужбине праздники чувствуются как-то острее и больше рабочих дней.

Рождество, Новый Год, Крещение — все Святки и весь Зимний Мясоед с Масляницей — в Казакии все это было почти сплошным праздником. Это самое свободное, сытное и беспечное время казака.

И прав русский мужичек, говоривший что — летом чига на харчи скуповата — чинак молока и Дон воды. — Совершенно верно.

Летом — в „горячую пору“ — казаку не до сладкушек. „День — год кормит“, говорит он. Но зато весной, зимой и осенью — казачья кухня ломится, бывало, от всевозможных яств: как говорится — и жареное, и вареное, и так кусками. А зимний мясоед поистине являлся настоящим мясоистреблением.

И вот сейчас, на чужбине... в эти самые дни передо мной, как на экране, одна за другой проходят картины прошлого.

Ночь Рождества. Родная станица. Улицы и переулочки занесены снегом. Мороз. Ватаги казачат-христославцев сплывают из улицы в улицу, из куреня в курень — славят.

Трещат сумки от пряничных „коней“, орехов и сластей. А там, в глухом переулке, — свалка: визг, крик, погоня — „засада“ неудачных христославцев напала на „чужих“ с другого кутка. Оборваны сумки... разбиты носы, плач и хохот.

И дальше — все новая и новая картина. Служба. Полк. Сотня. Казарма. Стройные шеренги казаков в парадных мундирах. Начальство. Принужденное, выдрессированное русское ура. А потом война: бои, Висла, болотистые берега Сана, Лесистые Карпаты, шумящие водопады Черемыша; ранения, госпиталя; нежные сестрицы милосердия; влюбленный; разочарованный... Революция. Казачья освободительная война. Изгнание; чужбина — действительность сегодняшнего дня.

И после всего этого — сама по себе напрашивается известная фраза Запорожца:

„Як воно зробилося так, що тепер я турок — не козак!“

Я осматриваюсь по сторонам своей комнаты и ищу хоть одну вещь, которая могла-бы связать меня с прошлым. За десять лет скитания ничего не осталось. Два рубца от заросших ран — память всех военных этапов — и больше ничего!..

Не осталось даже материнского благословения (маленький образок Спасителя) и крестика с цепочкой (подарок от любящей девушки) — в беспамятном бреду сняли чужие люди в чужой земле...

А если пройдет еще пять... десять лет быть может у меня не останется и того, во имя чего мы, казаки,

боролись, потеряв половину своего народа... Не останется надежды и веры в освобождение Казачьей нашей Родины... Так, нет-же! Казачество не умерло! Оно живет здесь, на чужбине, живет и там — на Родине!

Мне вспоминается вчерашний рассказ, еще молодого казака, в котором видна глубокая вера в независимое Казачество и скрытая ненависть и злоба к бывшим и настоящим его поработителям.

— А когда собирались святить памятник Ермака — говорит он — так Московский архиерей не разрешал молиться за него, — говорит: в русских Святах нет Ермака, а Ермолай. А казаки шушукали, шушукали, да и стали переходить целыми хуторами в старую веру, да к баптистам. А он тогда и разрешил помянуть Ермака по-казачьему. А при царском режиме — продолжает он — Куропаткин распорядился, чтобы все наши Донские старые знамена для „безопасности“ от „пожара“ отправить на хранение в Московский Кремль. И после молебна на Соборной площади в Новочеркасске, их понесли уже вниз по Крещенскому спуску к вокзалу. А тут тебе — на! Аграмадная толпа казаков, казачек, все наши гимназисты, реалисты, семинаристы — как заорали: „Назад! Назад! Не в Московский Кремль — а к Новочеркасскому Собору!“ И полиция ничего не могла сделать — так и не дали Москве наши Донские знамена...

Пусть в его рассказе не все так, как было. Но, ведь, факты-то эти были! Он облек только их своей казачьей фантазией и из его головы их теперь ничем не выдобишь. Это тут — на чужбине. А вот на Родине, из писем „оттуда“: „Живем плохо. Денег нет. Добровольческие „колокольчики“ ишо тогда повыкидывали вместе с сором. Остались наши Донские сотенные „Ермаки“, они сейчас не ходютъ, но у нас все говорят, что они будут ходить. Мы их бережем“.

— Да, да — шепчу я сквозь зубы — наши Донские сотенные „Ермаки“ — будут ходить!

— Да... да — звенит в ушах — „не в Московский Кремль, а к Новочеркасскому Собору!“

Сергей Маргушин. (Румыния).

28-XII, 1930 г.

Казачья эмиграция.

Приветствия, полученные редакцией „В. К.“
ко дню 10 декабря 1930 года.

СХХII.

М. Г., господин Редактор!

Искренно поздравляю Вас с третьей годовщиной издаваемого Вами журнала „В. К.“ В годину изгнания и скорби о нашей Родине все казаки, читающие этот журнал, узнали много горькой правды, которую так хитро скрывали от нас те, кому дороже всего было не счастье Родины, а счастье в удовлетворении личного ненасытного эгоизма и честолюбия.

Монтевидео (Уругвай).

М. Ватулин.

СХХIII.

Г-н Редактор!

В день юбилея журнала „В. К.“... душевно приветствую Вас, друзья, славные сыны вольного казачества. Пусть враги говорят что угодно про „Вольное Казачество“, но Вы не падайте духом, будьте крепки и стойте за наше Вольное Казачество. Пока что есть порох в пороховницах и надо его воспользоваться.

Благодарю Вас, господин редактор, и журнал, що не злякався москалів и продолжает существовать на благо вольному казачеству.

Уважающий Вас и журнал, козак чорноморець

Павло Иванович Сула.

Нью-Йорк.

СХХIV.

... Желаю, чтобы и впредь этот казачий журнал стоял на страже казачьих интересов и соединил все Казачество в одну тесную семью, которая бы держалась заветов старого Вольного Казачества.

С искренним приветом Т. Джигиль.

Югославия.

СХХV.

Привет с пути!

Мы прочли в последнем номере „В. К.“ приветствия Вашему журналу и просим присоединить и наше к общему голосу зарубежного Казачества.

Нас только трое, но коренных и чутких казаков. Не по фразам приветствий мы узнаем общий голос зарубежного Казачества, а от непосредственной близости к нему, от соприкосновения с ним. Соприкосались мы с Казачеством и в высшей школе, откуда получили знания инженеров, соприкосались мы с ним и странствуя по свету, соприкоснулись мы теперь и в мировом центре — Париже и отправляемся в Америку, благодаря тому же постоянному соприкосновению.

Отовсюду одно впечатление: явно или скрыто, но приветствуют Ваши мысли почти все казаки. Основы Ваши несомненно живут и лелеются в душах казаков. Этим быющим мыслям нет еще руководства и должного выяснения, но война родит героев. И они будут! Прекрасно, сильно и заманчиво Казачество своей стариной. Питающая нас, казаков, яркость казачьей жиз-

ни в ее картинах независимости, как в далекой истории, так и в современности, воскрешает на время ту же независимость.

Вековую службу Казачества России можно исчислить, похвалить, но воспитать на ней казачество нельзя, как нельзя вскормить орленка молоком!

Чует Казачество запах своей пищи и рвется к ней, как к единственному источнику своей жизни и спасения.

Великодушные себя вождями Казачества в Париже, кошунственно, из-под рук Войсковых Атаманов, усиленно суют теперь в рот ищущего казака всю ту-же грязную, отрепанную соску, занесенную сюда в кармане матроски Керенского. Бросьте! Не накормите, а разозлите!

Через два дня, когда Марсельская пристань закрывается от наших взоров дымом парохода, в книге жизни, ищущих правды и счастья молодых казаков, перевернется старая исписанная страница и первыми словами новой будут: привет делу вольных казаков!

Сообщаем Вам наш новый адрес для связи с Вами и в надежде быть полезными истинному казачьему делу.

Один за всех: П. А. Федоров.

В Париже.

18 января с. г. в помещении на бульваре Ля Тур Мобург, 27, состоялось продолжение прений по „Вступительному слову“ Н. М. Мельникова на тему „Положение Казачества в будущей России“. На этот раз, сверх ожидания, собралась большая аудитория: обычно полупустовавший прежде зал на этот раз был переполнен. Обещаны были выступления проф. Гронского и Зайцева, но они не пришли. Председательствует на собрании ген. Акулинин, председатель Казачьего Клуба, который и устроил это собрание. Председатель предупреждает аудиторию сохранять спокойствие и в корректных тонах высказывать свои соображения по поводу будущей судьбы Казачества. Выступали много казаков и нужно отметить что во всех их выступлениях красной нитью проходила самая подлинная самостоятельность, но только более или менее искусно прикрываемая, именуемая иначе. Все выступавшие говорили о необходимости единения Казачества, чтобы общим фронтом защищать законные интересы казаков.

Особенно интересно было в этом отношении выступление проф. Маркова, произнесшего интересную, искусно построенную речь и который с пафосом, обращаясь в сторону самостоятников, говорил: вы в своем поведении руководствуетесь искренними казачьими чувствами, имея ввиду только благо Казачества; теми же чувствами руководствуюсь и я, хотя наши понимания казачьих интересов диаметрально противоположны. Так давайте же сходимся, чаще встречаться, высказывать свои взгляды, свои понимания, договариваться и, м. б., в конце концов, до чегонибудь и договоримся. М. б. ошибаюсь я, м. б. ошибаетесь вы, м. б. найдем какойнибудь общий выход.

Его речь можно разбить на три примерно части. В первой части он говорил об исторических заслугах Казачества перед Россией и о том полном непонимании и игнорировании этой исторической роли Каз-ва русской общественностью. Во второй части он говорил о различии между общерусскими людьми и казаками, в подтверждение чего сослался на послереволюционные события в России. Когда все части России занялись только разрушением, только Казачество занялось в это страшное время созидательной работой, государственным строительством. Там только незначительная привилегированная часть русского народа поднялась на борьбу с большевизмом, а здесь, в Казачьих Краях, сам народ поднял борьбу с большевизмом и сам народ занялся государственным строительством: создал свое государство со всеми его атрибутами — представительными, судебными и исполнительными органами государства, создал стройную систему государственного управления, создал свою денежную систему, свою армию, свои Основные государственные законы.

Тут он, Марков, обращаясь к Мельникову, говорит: вероятно, Н. М. не понравится то, что я сейчас скажу.

По моему Основные Законы ВВД иному толкованию, как они приняты Кругом, не подлежат. Закон — есть закон, никаких примечаний там нет, а если бы там имело бы место примечание, то они не были бы и законом. Сейчас иначе истолковывать Основные Законы нельзя. Только мне кажется, что в самый момент принятия этих Основных Законов существовало противоречие между настроением Казачества и составителями Законов: казаки мыслили свою государственную независимость впрямь до, а составители законов, т. е. Круг, создали безусловные законы.

Эти Основные Законы ВВД включают в себе много такого, чему могли бы поучиться и государственные деятели. Вообще вся та работа, какую проделало Казачество в тяжелых условиях повсеместного хаоса, развала, заслуживает самого внимательного и пристального изучения со стороны русских людей. Это удивительный пример, образчик народного творчества, ибо все это делал сам народ, а не ученые специалисты. Правда в то время за спиной Казачества стояло очень много русских „советников“, которые хотели влиять на казачью жизнь и которые прибежали в Казачьи Края, спасая свою жизнь. По советской статистике, в это время население Казачьих Краев увеличилось на один миллион. Все это были люди, пришедшие с своим „советом“. Конечно, в этой государственной работе Каз-ва было много ошибок, ибо делали все это люди неискушенные, без всякого опыта государственной работы, но там (нет никакого сомнения) больше того, чему можно поучиться, чем ошибок. Я спрашивал у своих коллег, русских профессоров: вы изучали Основные Законы ВВД, вы знакомы со всей той огромной и многообразной работой государственного строительства Казачества? Все мне единодушно отвечают: нет! Мало того, когда им скажешь „Всевеликое Войско Донское“, то, кроме иронии, они ничего не проявляют. Таково отношение русской общественности к Казачеству.

В третьей части своей речи проф. Марков нарисовал яркую картину силы и мощи Казачества как в политическом, так и в экономическом отношении: население Казачьих Краев по советской статистике исчисляется в 8 мил., население физически здоровое, морально крепкое; территория Казачьих Краев больше территории Франции без колоний; в недрах ее хранятся неисчислимые богатства; на Сев. Кавказе недавно открыты такие разнообразные горные богатства, о которых мы и не подозревали; Казачьи Края были житницей России (поставляли не тамбовскую рожь, а кубанскую пшеницу — с пафосом восклицает оратор); в Казачьих Краях имеются прекрасного качества нефть, огромный запас угля, рыбные богатства, теплые моря и т. д. и т. п.

Но, — обращается оратор в сторону самостоятников, — вы, вероятно, ждете, что я сделаю вывод — значит Казачеству жить самостоятельно. Нет! я делаю совершенно обратный вывод. Именно потому, что мы богаты, мы не можем жить самостоятельно.

И его доводы в этой части сводятся к двум основным положениям: 1) нам некуда будет сбывать избыток производства своего богатого хозяйства, нам с нашим отсталым хозяйством нельзя будет выдержать конкуренцию на мировом рынке, следовательно, нам необходим огромный рынок России. Когда же мы станем самостоятельными, то этот рынок для нас закроется, ибо Россия тогда будет руководствоваться хозяйственным расчетом и будет покупать там, где дешевле. 2) все части России хозяйственно связаны между собою и представляют из себя единый хозяйственный организм: Россия не может жить без Донецкого угля, казачьего хлеба, бакинской нефти и туркестанского хлопка, как и эти последние не могут обходиться без русского рынка...

После него выступает кубанец Гладков, говорит о том, что доныне затирают кубанцев, о необходимости единения Казачества, высказывает уверенность, что Казачество, несмотря ни на что, возродится.

Д. Е. Скобцов в большую часть своей речи („основанную на истории“) направляет против Вольного Казачества, всю работу последнего определяет словом „глупо“ (председательствующий на собрании его останавливает и просит не употреблять таких выражений). Рассказывает о непонимании Казачества, об упорном

непризнании казачьих прав русской общественностью, а в некоторой ее части существует прямая злоба, желание покончить с Казачеством. И о необходимости спасения и сохранения Казачества и т. д.

Киктев, казак Астраханского Войска, произнес кратко, но остроумную речь.

— На всех казачьих собраниях о нашем Войске не говорят. Правда, наше Войско, как я сам, маленькое, но оно сильное. Знаете чем? Не забывайте, что у нас река и в одно прекрасное время сядем на свои „острогрудые челны“ иотрежем вам всю Россию. Ну, это не к делу, я смею. Мое мнение—казак не должен знать политики (неверно, раздаются голоса). По моему у казака одна политика: Свобода и Вольность и достойный Казачества вождь с казачьей душой, с казачьим сердцем. Все наше несчастье — нет у нас казачьего вождя и мы сами превратились в тряпку, а не казаки. Если бы Платов поднялся из своей могилы и посмотрел на нас, то он так на нас посмотрел бы, так сморщил бы лицо и с таким презрением сказал бы: казак... А что нас профессора здесь поучают, так это совсем не дело. Он не казак, а только сын казака—мальчишкой он уехал себе в Петербург (в станице то профессором не сделаться!), стал там профессором. За это время у него ничего казачьего не осталось, все отлетело. У него не казачья душа, а книжная. Ему не казачью душу укреплять, а инкубатором заниматься, цыплят разводить... Нам здесь говорили о богатствах Казачьих Краев и что, мол, от этого богатства мы можем пропасть. Не пропадем! Лен у нас есть — значит штаны будут. Хлеб есть, рыба есть — значит голодными не будем, уголь есть — в тепле будем. Широкая раздольная степь есть, прекрасные скакуны будут — и рыщи и свисти по необъятной нашей степи. Никаких там рынков! Если к тому будет у нас новый Степан Разин — тогда никакая сила нас не возьмет, Казачество будет процветать!

— Проф. Марков: А мне что тогда делать?

— Киктев: Я же дал вам должность!

— И. А. Скобелин посвящает свою речь на защиту неизбежности Основных Законов ВВД. Свое доказательство он основывает приведением выдержек из отдельных выступлений и писаний официальных донских представителей, каковые писания помещались в „Донской Летописи“, „Казачьих Думах“, „Вестнике Казачьего Союза“, „Родимом Крае“. Ныне те же лица, после появления „ВК“, говорят и пишут противоположное тому, что писали и говорили раньше сами.

Его выступление несколько раз прерывается председательствующим, который просит оратора придерживаться темы, а не заниматься длинными цитатами, ибо здесь мы никого не судим, а желаем высказаться о будущей судьбе Каз-ва.

Выступление Скобелина несколько закаляет атмосферу, настроение аудитории повышается, подаются реплики из среды публики.

Сотник Сафонов, б. начальник штаба Верхнедонского повстанческого отряда, своим заявлением, что проф. Марков служил у большевиков и только в 1925 году приехал из СССР с советским паспортом, вызывает протест со стороны проф. Маркова, который заявляет, что он приехал не в 1925 г., а в 1922 г. выехал из СССР не добровольно, а был выслан большевиками.

Сафонов кончает свое краткое слово указанием на полную бездеятельность официальных представителей Дона, призывает не заниматься вопросом будущего, а сделать хоть что-нибудь для облегчения тяжелой участи казака в эмиграции, помочь несчастному безработному казаку-старика.

Ш. Н. Балинов начинает свое слово с того, что он, идя сегодня сюда, совсем не думал выступать, во-первых потому, что он не слышал самого доклада, во-вторых, не привык к публичному выступлению и не умеет так хорошо говорить, как выступавшие здесь ораторы... Но выслушав прекрасную, искусно построенную речь проф. Маркова, решил высказать несколько свои замечания.

Г. проф. Марков, — продолжает Балинов, — в первой части своей речи прекрасно изложил подлинное отношение русских к Казачеству, к его естествен-

ным интересам; столь же хорошо говорил о роли Казачества в строительстве России в прошлом, о силе и мощи Каз-ва как в политическом, так и в экономическом отношении. В этой части ни возразить против его речи, ни дополнить ее нельзя. Под нею я подписываюсь обеими руками.

Но выводы его совершенно противоположны тому, что он говорил вначале. Очевидно, он это делает потому, что логически вытекающие из всего сказанного, сами собой напрашивающиеся выводы не укладываются в ту схему, какую он составил себе в своем кабинете. Это слегка смахивает на того Мольеровского аптекаря, который красноречиво доказывал другому, что лучше умереть по всем правилам науки, по предсказаниям знаменитого доктора, чем выздороветь „глупо“, вопреки медицине...

Еще одно предварительное замечание. Проф. Марков, признав неизбежность Основных Законов ВВД, невозможность их истолковать иначе, как они изложены в Донской Конституции, сделал обходное движение, нанес удар этим законам так сказать с тыла. Он высказал предположение, что эти законы, очевидно, тогда Кругом принимались против желания самих казаков, ибо их настроение противоречило таким безусловным законам. Очевидно, что это предположение не соответствует действительности, ибо Донской Круг, принимавший Законы, не мог противоречить настроению Донского Казачества, ибо Круг лучше всякого представительного органа любой европейской парламентарной страны, выражал подлинное настроение Каз-ва, так как туда посылались лучшие представители станиц, избранные не по партийному признаку, а по признаку личного доверия.

Теперь несколько слов на тему сегодняшнего нашего собеседования — Казачество в будущей России. Мне кажется, прежде чем говорить о будущем Казачества, необходимо говорить о его настоящем, о том трагическом положении, без преодоления которого невозможно будущее. Настоящее Каз-ва поистине ужасное, о чем так хорошо говорили сегодня все. „Там“ казаки физически уничтожаются — расстреливаются, ссылаются. Существуют специальные поезда для вывоза ссылаемых в Архангельск, на Урал самых лучших, хозяйственных казаков; там в страшных условиях, голые, босые, голодные, под невыполнимой каторжной работой гибнут. Каждый ссыльный казак должен выполнить обязательную дневную работу: вырубить, расчистить, распилить для погрязки 35 деревьев. Задача физически трудно выполнимая, но за невыполнение надсмотрщики просто ударом кола убивают! На место расстрелянных, ссыльных, гибнущих в северных тундрах казаков в наших Краях водворяются пришлые элементы. Сегодня нам проф. Марков, на основании советской статистики говорил, как сильно возросло городское население в Казачьих Краях. Это все пришлые элементы, строящие свое счастье на несчастьи казаков. Здесь, в эмиграции, положение казаков не лучше. Отношение к нам русских кругов определенное, яркой иллюстрацией чего могут служить циничные слова ген. Аб. Драгомирова: „никакого казачьего вопроса, ни одной копейки казак“.

Такова страшная действительность. Что должны делать казаки перед такой грозной действительностью? Источником всех казачьих несчастий является большевизм. Ясно, первой и основной задачей всех должно быть освобождение Каз-ва от власти московских большевиков. Возникает естественный, в настоящий момент единственно важный вопрос — как это лучше сделать? Тут нужна ясность и определенность, ибо ясная постановка вопроса является в то же время и некоторым разрешением его.

Сегодня проф. Марков сделал замечательное признание (интересно, сделает ли он это признание перед другой, не казачьей аудиторией?)

— Проф. Марков (с места): Сделаю!

— Ш. Н. Балинов: Это признание заключается в следующем: он заявил, что в прошлом борьба Казачества с большевизмом была борьбой народа за созданное им государство. А там (у русских) шла борьба незначительной привилегированной части русского народа

против большинства этого народа (надо полагать — за свои классовые интересы, за свои привилегии). Это замечательное и верное признание. Главным образом потому, что чисто народная борьба Каз-ва затем была подчинена борьбе незначительной привилегированной части русского народа, мы проиграли борьбу и Каз-во до сего времени переносит нечеловеческие страдания.

На ошибках учатся. И мы, самостийники, делаем из этой ошибки определенный вывод. Если мы снова свяжем свою судьбу с этой привилегированной частью русского народа, то тем самым мы механически поставим против себя: 1) все народы, которые сейчас ведут активную борьбу за освобождение своих народов, за свою независимость и 2) большую часть русского народа — рабочих и крестьян. (Что русские рабочие и крестьяне, если не все активно поддерживают сов. власть, то во всяком случае за эти десять лет не проявили и не проявляют никаких признаков недовольства, борьбы. Это подтвердил недавно и сам Милоков, публично сказав, что всякие вспышки и недовольства проявляются только на „окраинах“ и что эти вспышки успешно подавляются русскими воинскими частями из центральной России).

Кроме того, надо, наконец, понять всю трудность, почти невозможность ведения борьбы с большевиками на почве чисто социально-политической, ибо обещать и дать больше того, что обещают и отчасти дают (по крайней мере некоторой части) большевики, никакая другая партия, никакое другое политическое течение не в состоянии. Нужно поставить борьбу с большевиками на иные рельсы, перевести ее с линии социально-политической на линию национальную, ибо единственно сильной идеей, которую можно противопоставить с успехом коммунистической идее, есть идея национального самоопределения народов; единственно реальной силой, способной к действенной борьбе с большевизмом, являются те живые элементы народов, которые борются за освобождение и независимость. Иных сил, иных путей к преодолению большевизма по нашему, самостийников, мнению нет.

Поэтому самостийники ставят вопрос ясно и определенно: борьба за освобождение Казачества в союзе с теми народами, которые ныне борются за свое освобождение, и создание независимого казачьего государства — Казакии —, которое должно явиться четвертым равноправным с Украиной, Белоруссией и Великойроссией славянским государством на территории б. Российской Империи.

О нас, самостийниках, любят говорить, что мы свою политику строим на ненависти к русскому народу. Это неправда и недостойно серьезных людей! Мы свое дело строим не на ненависти к чужим, а на любви к своим! Мы к русскому народу никакой злобы не питаем, но, естественно, к той незначительной привилегированной части русского народа, которая именем народа подавляла другие народы и дальше желает подавлять, — мы особой любви не питаем.

Эта наша концепция, казалось, должна быть принята и теми русскими людьми, которые искренно желают уничтожения большевизма, ибо освобождение „окраинных“ народов и создание из них цепь независимых государств, явилось бы петлюю на шею большевиков и они, отрезанные от богатств „окраин“, изолированные только в пределах Великойроссии, умерли бы естественной смертью, задохнулись бы.

Тогда б можно было говорить о создании из самостоятельных, свободных, во всем равноправных государств федерации или конфедерации: в пределах б. Империи, в пределах славянского мира, вплоть до Европейского объединения.

Следующим двум записавшимся ораторам — Е. М. Якименко и одному астраханскому казаку — за поздним временем председательствующий предоставил только по три минуты, в течение которых они, естественно, не успели высказаться.

Заключительное слово Н. М. Мельникова, тоже за поздним временем, было краткое. Он начал с того, что начал возражать отсутствующему члену Круга Г. И. Кареву, выступавшему в прошлый раз и сказал, что Карев всегда выступает в роли оппозиционера против

меня, но только беда в том, что я никогда не знаю — с какой стороны будет его очередное нападение. Сначала эмиграции он нападал на меня то в качестве „граббевца“, то в качестве „николаевца“ и требовал от меня отказа от всяких Основных Законов В. В. Д. и полного подчинения Ник. Ник. Теперь он выступает в качестве ярого защитника этих Законов, в качестве самостийника...

Затем почти все дальнейшее слово Мельникова было посвящено выступлениям самостийников. Конечно, ничего нового он не сказал, кроме того, что в более мягкой форме, корректных тонах пересказал то, что было сказано в его статье в „Казачьем Сборнике“.

В заключение Н. М. Мельников обратился прямо к Балинову: вы в своем калмыцком журнале („Ковыльные Волны“) не стоите за полное обособление Калмыцкого народа, а мыслите его федеративной единицей в Казачьем государстве. И правильно делаете, ибо ваш народ небольшой. Как раз по тем же самым соображениям и я стою не за полное отделение Казачества от России, а мыслю его федеративной единицей России, ибо по отношению к общей России и Каз-во очень мало и слабо.

Председательствующий предоставляет слово Балинову для ответа, очень коротко, в нескольких словах (так как время уже очищать зал) на прямое обращение к нему Мельникова.

— Ш. Н. Б а л и н о в: Есть существенная разница между отношением Казачества к Калмыцкому народу и между отношением России к Казачеству. Первое безусловно признает все права Калмыцкого народа, готово с ним федерироваться, жить в дружбе и согласии, как и прежде. А Россия безусловно не признает никаких прав Казачества и делает все, чтобы оно исчезло, о чем здесь сегодня все говорили. Вот та разница, которую не хотят уразуметь до сего времени многие казаки.

На этом собрании заканчивается.

Впечатление от этого собрания отрадное. Оно свидетельствует о том, что в своей казачьей семье, перед чашей казачьей аудиторией самые отчаянные противники В. К. на много градусов понижают свой пыл и очень бережно и предупредительно относятся к той самостийной сущности, которая не умирая живет в душе каждого казака.

Что же касается впечатления, какое произвело замечательное слово Н. М. Мельникова на присутствовавших казаков, то могу судить о нем по тем отрывочным словам, которыми обменивались казаки, выходя из собрания.

— Один почтенного вида казак с седеющими волосами рассказывает другому, одеваясь у вешалки: я — принципиальный противник самостийников и их журнала принципиально не читаю. Но беспристрастно требует сказать, что сегодня я видел преимущество на стороне самостийников: у них ясность и определенность. Другое дело — на правильном ли они пути? А у Мельникова другое — он отсутствие ясной и определенной казачьей позиции пытается прикрыть пышными словами. Там — ясность, здесь — туман...

Схожу вниз. У стойки у буфета стоит целая группа казаков и шумно обмениваются мнениями. Слышу: наши официальные представители ведут политику по заповеди Христа — бьют по одной щеке, подставляя другую; отнимают верхнюю одежду, отдавая и рубашку. Такая политика к добру привести не может. А вот самостийники молодцы: рубят правду-матушку и никаких гвоздей! Отсутствие опыта политической работы, умения говорить хорошо у них с избытком восполняется непосредственностью, искренностью...

Другая группа казаков сидит за столом. Слышно: а что, кто-нибудь поставил бы казачим противникам В. К. вопрос так: будет Великая Россия, но не будет Казачества, или же ценою предоставления России на очень долгое время большевикам вам будет предоставлено жить самостоятельной казачьей государственностью. Предпочли ли бы они ценою уничтожения Казачества купить себе Великую Россию?

Выхожу на улицу и направляюсь к метро. Впереди идет сибирская казачка (певица, художница и поэтес-

са, — как она говорила при знакомстве еще в собрании) в компании трех казаков. Она громко говорит: какие недоразумение, что среди казаков имеются противники самостийности! Ведь это же казачья сущность! И какое унижение значения и мощи Казачества теми, которые борются за его лучшее будущее! К чему этот термин „самостийность“? Ведь это же мелко и узко! Я — уссурийская казачка, для меня — Царство Сибир-

ское и никаких разговоров. Кто может возразить против этого?...

Хорошо становится в душе, большое моральное удовлетворение получаешь, когда слышишь такие суждения казаков.

Дай Бог, чтобы эти слова и эти казачьи чаяния как можно скорее претворились в реальную действительность! (Соб. кор.).



Казачи-сокола в В. Бечкереке.

В Вел. Бечкереке.

Несколько лет существовала одна станица, одна казачья семья между казаками, донцами и кубанцами, живущими в городе Вел. Бечкереке.

Но, с расширением и прибавлением численности казаков, возникла новая станица. Теперь там есть две: одна — Донская, Калединская, во главе с атаманом Упорниковым, а другая Кубанская Велико-Бечкерекская, во главе с атаманом Поливода. Но, с разделением на станицы, на две казачьи группы, казаки не забыли брат брата — по войску, и часто сходятся вместе и делят горе и радость между собою (что доказывает и фотография). Думают одну и ту же казачью мысль: „хотим лететь туда, где Дон, отец родной, мать Вольная Кубань

и брат бурный Терек, грустят по нас, как по сынам родным.

Любо посмотреть было на казаков соколов, когда они выступали в мае месяце, на „жупском“ сокольском слете, а в этом году (1930) не выступали, а просто вылетали в конном строю, как это и полагается казаку. И все, как один, по команде, распластали свои крылья тогда, на стадионе Ярмарочного плаца в городе Вел. Бечкереке.

После десятилетнего пребывания на чужой земле, на чужих лошадях, на „драгунских“ седлах (которые им были предоставлены местным военным гарнизоном), гарцевали они так, как гарцевали некогда в родных своих землях.

Г. Алферов.



Кубанцы в Шабце (фотография прислана А. Молько).

Брненский Хутор.

М. Г.

Правление Брненского Хутора Общеказачьей Студенческой Станицы в Ч. С. Р. просит Вас не отказать в любезности поместить на страницах Вашего уважаемого журнала следующее:

На хуторском Сборе 11-го января с. г. было выбрано на 1931-й год новое правление в составе: Атамана — инж. И. С. Алейникова, казначея — инж. канд. П. В. Яковлева и писаря — инж. В. А. Щедровича.

Хуторское правление, поздравляя дорогих станичников с Новым Годом, ждет от хуторян, живущих вне г. Брно, поддержки в своей работе и надеется, что они, окончившие В. У. З. и устроившиеся на службу, не забудут тех, кто еще не одолел горький корень учения в безрадостной эмигрантской обстановке.

С казачьим приветом: Атаман Игорь Алейников, писарь В. Щедрович.

Доклад ген. Агоева в Нью-Йорке.

28 прошлого декабря в Нью-Йорке состоялся доклад ген. Агоева, недавно приехавшего сюда из Болгарии. Перед собравшейся довольно многочисленной казачьей аудиторией, ген. Агоев много говорил, напр., об Общевоинском союзе, но ничего относительно жизни казачьей эмиграции в Европе. Такие доклады следовало бы делать не перед казачьей, а исключительно русской аудиторией.

После докладчика говорил ген. Денисов на тему, что „казачество есть воинское сословие, задачей которого есть защита границ государства Российского... что казаки должны принимать самое активное участие в обще-воинском союзе, потому что казаки прежде всего русские люди и только на 25% должны быть казаками. Ген. Денисов призывал присутствовавших к участию в сборе в казну спасения России...“

Ни доклад, ни особенно „призывы“ ген. Денисова успеха среди казаков не имели. Присутствовавшие казаки напомнили ген. Денисову, что позиция его на Дону, когда он стоял во главе Донской армии, была ближе казачьим позициям, чем теперь, через 12 лет.

М. Ч.

Кубанский календарь на 1931 год.

(Вместо рецензии).

Общество „Вольная Кубань“ в Белграде издало календарь на 1931 год. В этой небольшой книжке помещено достаточно весьма полезных сведений. Как на более полезное и весьма своевременное можно указать на краткую историческую справку о Кубанском Войске; Кубанский край (краткий географический очерк); Кубанская Конституция и много других сведений. Исторический очерк, правда, очень краткий.

В разных отделах сведений встречаются ошибки и порой весьма существенные. Под снимком Войскового Образа значится, что он сооружен в 1925 году, тогда как образ сей сооружен раньше и осенью 1924 года был привезен в расположение Кубанской дивизии (около города Вранье в Сербии), где перед сим образом был отслужен молебен только что рукоположенным во священники есаул. Даниленко. На молебне присутствовали и говорили речи Кубанский Атаман ген. Науменко, Терский Атаман ген. Вдовенко, ген. Кокунько и др. Я остановился нарочно на этих подробностях, чтобы подтвердить правдивость своей поправки о годе сооружения образа.

В годах атаманств наказных атаманов есть тоже неточности; так, напр., в календаре указано, что ген. Бабич вступил в атаманство в 1905 году, но если учесть то обстоятельство, что ген. Михайлов созывал Раду годом позже, то, следовательно, очевидность ошибки несомненна.

В отделе „грамотность“ указано о наличии 4-х учительских семинарий; речь, очевидно, идет о мужских семинариях (1 Куб. в гор. Екатеринодаре, 2 Куб. в ст. Полтавской, 3-я в станице Бесскорбной и 4-я Казенная в гор. Майкопе), тогда как на Кубани было и 2 жен-

ских учительских семинарий; одна в гор. Екатеринодаре, а другая в ст. Полтавской. Весьма существенное опущение в отделе грамотности: не указано о наличии учительского института в гор. Майкопе.

В некоторых отделах заметны пропуски станиц, хотя редакция и оговаривается, что пропуски возможны; но в Ейском отделе пропущено очень много станиц, а именно: Плоская, Ново-Петровская, Н.-Ивановская, Н.-Роговская. Бабичивская, Челбасская; Ново-Михайловская, Ново-Платнировская. Придоржная, Ново-Ясенская, а так же и хутора: Куго-Ейский, Широчанский, Сасыкский и др. Станица Кореновская значится в Ейском отделе, тогда как она Кавказского отдела. Села: Воронцовское и Горькобалковское показаны в Ейском отделе, тогда как эти села входят в Ставропольскую губ. О самом гор. Ейске весьма скудные сведения. Правда, он не является административным центром, но зато в культурном и торгово-промышленном отношении занимает видное положение в крае. Город имеет несколько средних школ, большие склады и мастерские сельскохозяйственных машин, а также большие хлебно-приемочные сыпные пункты, благодаря наличию порта, а также и изобилию зерновых продуктов в Ейском отделе.

В начале календаря помещена: „Ты, Кубань, ты наша Родина“, — в тексте десятка два иллюстраций из жизни казаков. Обложка календаря украшена старинной гравюрой, а в конце календаря помещена карта Кубанского края.

Несмотря на некоторые недостатки, указанные выше, календарь весьма интересен и для каждого казака является полезной книгой, которую следует прочесть, чтобы не забывать о том, что есть (вернее — было) у нас дома... Издан хорошо и стоит всего 20 динар.

Еф. Якименко.

Помогите!

В Парижском госпитале, на рю Дидо, вот уже два года лежит казак станицы Переяславской Владимир П. Лысенко с ампутированной правой ногой (последствие ранения в Германскую войну). Будучи в настоящее время вполне способным к работе, В. Лысенко, однако, не может оставить больничную кровать, т. к. ему необходим протез, стоящий примерно 1500 франков. На покупку протеза Кубанский станицей в Париже собрано около 200 франков. Недостает 1300 франков.

К вам, казаки, многие и не раз обращались с призывом о помощи и эти призывы всегда находили отклик в ваших казачьих сердцах; вы дружно и всегда отзывались на горе своего брата казака, помогая сними скромными пожертвованиями.

И теперь, еще один раз, к вашим отзывчивым сердцам обращаюсь: Помогите казаку! дайте ему возможность выйти из госпиталя, стать на работу и т. о. не только избавить других от обязанности беспокоиться о нем, но и самому стать в ряды способных помогать.

Будем считать такую помощь нашим долгом и дружно поможем. Пусть рука дающего не оскудеет. Пожертвования направлять:

М-г Ogienko €, rue Solferino, Billancourt (Seine) France.

Отчет о пожертвованиях будет опубликован в журнале „В. К.“.

Кубанец А. Огиенко.

Письмо в редакцию.

М. Г. г-н редактор! Прошу поместить на страницах „В. К.“ нижеследующее:

Открытое письмо командиру Донского Корпуса ген. Абрамову.

Ваше превосходительство! Я, казак Войска Донского, вахмистр 4 Донского Казачьего полка, времени командования полком вашим покойным родителем генер. Федором Федоровичем Абрамовым. Мне вспомнились слова этого казака патриота, сказанные им в ответ на вопрос одного, в более высоком чине, лица. Вот они:

— „Да, так точно! Это мой сын, но он изменник! он изменил Казачеству, променял лампасы на кантики“...

Я думаю, что и вы помните эти слова, сказанные тогда вашим родителем. Полагаю, что он тогда сказал их от радости и в гордости, что вы, сын его, окончили академию генерального штаба, но сердце патриота-казака, видимо чувствовало, что сын его с этого момента перестает быть казаком, что он пойдет по другому пути, не казачьему. И это чуткое сердце казака не ошиблось.

Вашего родителя я знал больше чем вас, знал его, как сам себя, он был всем своим существом предан только родному Дону и Казачеству и своей преданности ни от кого не скрывал и скрывать ее не мог, ибо он был сердцем и душой казак.

В пример привожу вам последний случай, который могут подтвердить много свидетелей и заграницей. Перед Японской войной он был окружным атаманом 2-го Донского округа. В 1905 году, во время объезда станиц в мае месяце, он, войдя в Пятиизбянское станичное правление и, осенив себя крестным знаменем, заметив около иконы висевшую фотографию бывшего наказного атамана Максимова, обратился к атаману с вопросом:

— Этого хохла*) зачем здесь поместили? Вон его отсюда. В этот же момент он увидел над входною дверью фотографию генерала Якова Бакланова, опять перекрестился и, со словами, милый мой Яков Петрович, обратился к атаману: „Приказываю хохла удалить, а этого, родного, повесить на его место“.

*) „Хохол“ — на Дону значит то, что на Кубани „городовик“.

Вот каков был ваш родной батюшка. А если бы он был жив, он бы вас за вашу сегодняшнюю „идею“ непременно бы выпорол.

Теперь вы, ваше превосходительство, скажите по совести, к чьим стопам вы повергаете вверенный вам Донской корпус, к каким русским? Укажите нам, казакам, их: где они и кто они? Миллер, Дитрих, Штрандман, Палеолог? Это русские? Почему же на место Кутепова не попал Абрамов, или Краснов, которого, как будто, и сами русские боготворят? Да потому, что сами русские то в загоне, они сами то никогда в своих руках власти не имели, а эти именующие себя русскими, русских считали и считают быдлой и что их всегда нужно держать в черном теле и под палкой, ибо русский народ так бывает мирнее, он так любит. Так вот, ваше превосходительство, видите, русский народ несчастный сам от себя, потому что он любит палку и непременно чужого господина, а мы, казаки, были и, может быть, будем опять несчастными только потому, что имеем вождей у себя, которые тогда продавали и теперь продают за чечевичную похлебку и себя и свои родные казачьи края.

Горе, горе нам, казакам, что имеем у себя во главе вот таких вождей. Пора бы, ваше превосходительство, опомниться и идти во главе казачества, под своим казачьим знаменем, а не маршировать с русским флагом. Напрасно вы себя утешаете тем, что казаки пойдут за вами, они вам в свое время скажут свое слово, а вы останетесь с вашими Миллерами, Дитрихами и пр. и пр.

Вахмистр Афонин.

8-1-31 г.

В Казакии.

„Ненужная жертва“.

(Уничтожение Баталпашинских озер на Кубани).

... Российское советское правительство стремится к уничтожению контрреволюционных казачьих масс и заселению их земель рабочими и крестьянскими массами, которые не находят в центр. России применения своего труда.

(Из речи М. Калинина).

Иезуитская истина, так хорошо усвоенная большевиками — „цель оправдывает средства“, проводится ими „во всю“ в Казачьих областях, без каких либо послаблений, или отступлений. Не так давно, прошлым летом, в одной своей речи „Всероссийский староста“ Калинин, так отозвался о казачьем вопросе в СССР: „Советская власть нравственно (?) обязана рассказать Казачество, и она его будет рассказывать неумолимо“...

Свыше чем 10 летняя оккупация красной Москвой Казачьих Земель, подтверждала не раз непреклонное желание московских большевиков любой ценой стереть с лица земли ненавистное им свободолюбивое Казачество... Расстрелы, ссылки „недовольных“ существующим строем и порядком, конфискация имущества, коллективизация и сплошное разорение Казачьих Земель и, как результат его, угроза голодной смерти множеству казачьих семейств... Правда, до сих пор, коммунисты „рассказывали“ лишь население Казачьих Земель, в настоящее время они принялись и за наши земли, посягая даже на изменение их географических особенностей!

Например, с Кубани пишут, что там идет „лихорадочное истребление наших природных богатств — лесов „защитных“, „заповедных“ (Круглик, Красный лес) и других, которыми мы, жители степей, так дорожили. По словам советской прессы, крайняя необходимость для большевиков „добычи“ иностранной валюты, дешевизна (бесплатный принудительный труд, О. Б.) и удобство эксплуатации, заставляя их вырубать и поспешно вывозить за границу строительный материал, полученный из „лесных оазисов“ Кубани. Правда, часть Кубанского

Края — Закубанье (по размерам своей территории превосходит Бельгию), принадлежит к одним из лесистых местностей, ныне входящих в состав СССР. Однако, полное отсутствие шоссе и под'ездных путей в Закубанье, (за 12 лет оккупации коммунисты не провели здесь и одного километра шоссе!) настолько затрудняют и удорожают разработку там лесных богатств, что в конце концов, выгоднее привозить лес на Кубань издалека, за сотни километров, но по железной дороге, вместо того, чтобы использовать свой, закубанский... Московские коммунисты стремятся лишь „выжать“, „сорвать“ доходы с оккупированных ими Казачьих Земель, нисколько не заботясь об их экономическом развитии и поэтому им, конечно, „нет смысла“ затрачивать крупные суммы на планомерную (не хищническую) длительную разработку закубанских лесов, устройство шоссе и под'ездных к ним путей...

Как долго в действительности, подобно губительной саранче, коммунисты будут разорять наши земли, назначить какой либо определенный срок этому весьма затруднительно, по многим причинам, но зато хорошо известно, что если дело освобождения Казачьих Земель от „красной нечести“ будет нами откладываться на долгие сроки, то вполне может случиться, что после большевицкого „горе-хозяйничанья“ вместо наших плодородных равнин нам достанутся лишь бесплодные, никому не нужные пустыни... Таким предостережением может служить для нас история с недавно начавшимся уничтожением Баталпашинских „целебных“ глауберовых озер на Кубани.

Большевицкий журнал „Северо-Кавказский Край“ (издается в Ростове н/Д.) пишет по этому поводу следующее:

„Баталпашинские горько-соленые озера, находящиеся в 16 к. от г. Баталпашинска, предназначаются в ближайшее время на техническое использование, для извлечения из них сульфата для стеклянной промышленности. Эти озера, имеющие в общем поверхность около 1200 гектаров, с громадным залеганием лечебной грязи и рапы, обречаются на уничтожение: ежегодное извлечение сотен тысяч тонн сухого продукта — сульфата (по пятилетке предполагается добывать даже

1 мил. тонн) быстро исчерпают все содержание натриево-серно-кислых солей в течении ближайших же лет, при чем сульфат будет извлекаться не только из рапы, но и из всей массы грязи, а озеро превратится в сухую лагуну. Источников и ключей, которые могли бы послужить к возобновлению и накоплению солей нет, так как озеро образовались подобно Ставропольским озерам (Сингилеевское, Убежинское) вымыванием из почв атмосферной водой растворимых солей и сконцентрированием их в озерной впадине. Если говорить о накоплении запасов солей, то для этого потребуются столетия, быть может и тысячи лет, так как окружающие озеро земли бедны различными солями и уже обращены под пахоту и посевы... Теперь нужно поставить вопрос — оправдывается ли чем либо эта жертва — уничтожение озер? Начнем с того, что добычу сульфата легко наладить в другом месте — из Кара-Бугазского залива Каспийского моря, запасы которого в сотни тысяч раз превышают запасы Баталпашинских озер и эта эксплуатация, в конце концов, должна быть там организована, так как, повторяем, озерного сульфата хватит лишь в течении ближайших лет. С другой стороны, существующие анализы проф. С. Бурксера (1916 г.) рапы и грязи Баталпашинских озер показывают, что рапа и грязь представляют из себя тот комплекс минерализации и физических свойств, который характеризует их, как минеральную грязь и рапу, незаменимые для лечебных целей. Терапевтическое применение баталпашинской грязи много лет ведется в г. Баталпашинске в местных грязелечебницах.

Имеется брошюра доктора Демьянова, долго работавшего в Войсковой больнице, в грязелечебнице при ней, давшего о лечебном значении грязи отличный отзыв. Кроме того, что в большом Баталпашинском озере имеется не только громадный запас лечебной грязи, но и концентрированной рапы, из которой не только можно дать любое количество подогретых рапных ванн, но и лечить громадное количество пациентов непосредственно в самом озере. Это такое громадное преимущество, каким не обладают большинство грязелечебниц ни в СССР, ни в Европе, иначе говоря, здесь можно поставить все виды лиманотерапии. Польза от применения рапных ванн высоко оценивается бальнеологами, как замена грязевых ванн, особенно у ослабленных больных и детей*.

Как известно, постановка грязелечения на Кавказских минеральных водах проходит, говоря по советски, с большими „перебоями“ и существующие здесь грязелечебницы работают сверх нормы и давно уже исчерпали свою пропускную способность. Из за недостатка грязи на минеральных водах поставлен уже вопрос о регенерации отработанной грязи и даже искусственного ее получения... В виду близости Баталпашинских озер к минеральным водам, сохранение этих озер для минеральных вод является вопросом жизненной необходимости и правильной планировки работ на будущее время.

Если сопоставить моменты полного использования весьма скромных запасов грязи Тамбунакского озера, (откуда поступает грязь в Минераловодские грязелечебницы) и технического использования Баталпашинских озер, то, повидимому, они вполне совпадут и тогда Кавказские Минеральные воды останутся не только без своих запасов, но и без запасных ресурсов Баталпашинских озер. Независимо от этого, территория Баталпашинских грязевых озер вполне пригодна для устройства здесь грязелеч. курорта, а местонахождение ее у самых озер дает этому будущему курорту громадное преимущество, как по отпуску грязевых ванн, так и, в особенности, рапных, и проведению лиманотерапии вообще. Вся эта местность находится на возвышенном плато, составляющим водораздел между реками Кумой и Кубанью, на высоте около 400 метров над уровнем моря. Плато представляет из себя сравнительно сухую степь, хорошо инсолируемую, проветриваемую, покрытую степной растительностью и запашками. Эта местность весьма удобна и для проведения путей сообщения, расположена близко от г. Баталпашинска (14 кил.) и от Ессентуков (55 кил.). Засада больших парков здесь может быть легко осуществлена, в сравнительно короткий срок. Великолепные окрестности, с массой чудес-

ных видов (сами по себе озера очень интересны), дивный чистый воздух, близость бурливой Кубани делают эту местность интересной и для туризма. „Мы никогда не ценим своих природных богатств, говорили о нас (раньше) иностранцы, а если вдруг начинали ценить, то вполне своеобразно — ни сами не разрабатывали, ни другим не разрешили“.

Мысль о постройке у озера грязелечебницы и курорта подымалась еще задолго до великой войны и даже была начата разработка проекта, но дело всячески тормозилось б. русским правительством, не желавшим экономически развивать свои „окраины“. Проектировалось и соединение Баталпашинских глауберовых озер железно-дорожным путем, со строявшейся тогда Тебердинской ж. д. веткою. Затянувшаяся война и последующие события в Казачьих Краях надолго отложили исполнение проекта постройки грязелечебного курорта. Оккупация Казачьих Земель нисколько не продвинула вперед исполнения проекта, а наоборот, большевики с особым злорадством приступают к уничтожению самого источника целебных „исцеляющих“ грязей Баталпашинских озер. Ни с какой точки зрения нельзя оправдать поспешное, безрассудное уничтожение этих „лечебных сокровищ“. (На Кубани говорят, что коммунисты потому ничего не шадят в Казачьих Землях, что, якобы, предчувствуют свой вынужденный уход).

Уничтожение Баталпашинских озер составляет слишком тяжелую жертву, которая совершенно не оправдывается тем мимолетным, можно сказать, техническим использованием, которое намечено, тем более что все выгоды от добычи сульфата остаются на стороне Кара-Бугазского залива, а не Баталпашинских озер. Это техническое использование Баталпашинских грязевых озер, вызвано, повидимому, лишь неопределенным желанием разорить „обезценить“, „раскачать“ наши земли по плану, предначерченному М. Калининым и проводимому в жизнь на Кубани „пришлыми“ из Москвы. — красными самодержцами.

Для некоторых лиц, еще и поныне ожидающих какой то перемены, эволюции большевиков в их отношении к Казачеству, история с Баталпашинскими озерами может служить хорошим показателем того, что в действительности можно ожидать от них и что Казачьи Земли нужны большевикам лишь как средство для обогащения „центра“. „Après moi le deluge“ говорили французские короли, „после меня хоть трава не расти“, говорят угнетатели наших Земель — московские коммунисты.

О. Батурын,

20-ХII, 1930 года.

Что делают оккупанты?

„Дни“ печатают письмо, полученное с Северного Кавказа:

„Хотя и невозможно сосчитать, но по глазомеру приблизительно везут на север народа раза в полтора больше прошлогоднего. В прошлом году везли под тем предлогом, что кулаки, теперь же везут больше всего за неспадчу хлеба, а также за неплатеж налогов, еще везут родственников восставших. Если в станице или хуторе есть восставшие, то забирают всю родню — и кумовьев и сватов, десятого — к стенке, а остальных везут. До холодов держали в страхе и заставляли пахать, сеять и убирать, а когда выпал снег, стали народ увозить. Заложников выпустили по домам, но им сказали, что если что-нибудь случится с теми, за кого их держали под залогом, то они ответят своею жизнью. Так рассказывают те, которые сами добровольно уезжали, побросав свои хаты и пожитки. Говорят, что стало опасно существовать в своем хозяйстве. Колхозы тоже ни от каких неприятностей не защищают. Таких, которые добровольно уезжают, мало, хотя к Ростову едут меньше, больше, надо полагать, пробираются на Грозный и Петровск. С севера же через Ростов и Тихорецкую едет много народа под видом рабочих: есть которые по командировкам, но есть и самотеком, но такие, что возле них лишнего слова нельзя сказать — все у них контр-революция.“

Народ это такой, который едет будто против контр-революции, но казаки считают, что истинная цель — захватить кубанские и ставропольские земли, выгоняя и уничтожая старых жителей, а сами сажаясь на их место. Так как у них если не

партийный билет в кармане, то сотрудницкая карточка и от власти им полная поддержка, то старые жители ничего против них не могут. Народ считает так, что это будущие помещики едут, а советская власть, не разбирая дела, помогает им истреблять и выгонять тех, кто честно на земле трудился...

Разное.

Белый офицер о белых генералах.

„Дням“ из Персии пишут:

„Недавно я встретил только что перешедшего границу б. кадрового офицера, раньше мне хорошо известного. В период „белого“ движения он состоял в контр-разведке белой армии на Северном Кавказе. У большевиков служил на разных должностях в красной армии... К моменту моей встречи он успел ознакомиться с „Днями“, „Последними Новостями“ и „Возрождением“. Информация зарубежных органов печати о положении вещей в России его глубоко поразила. Он говорит: ведь мы на местах ничего не знаем о том, что происходит в соседней губернии. Все утаивается, все боятся друг друга, никто не смеет что-либо рассказывать. По поводу „Возрождения“ он высказал такое мнение: это —

голос с того света, люди за все это время ни к чему не присмотрелись и ничему не научились. Все эти генералы Хорваты и Дитерихсы, собирающие деньги на „устройство церкви-памятника царю-мученику Николаю II“, конечно, наперед обречены на абсолютную неудачу при возглавлении какого-либо движения против большевиков. Вообще так называемые „генералы“ абсолютно никаким успехом не будут пользоваться. Среднее и молодое поколение России настолько изменилось в своем взгляде и отношении к целому ряду вопросов, что любая карта „генералов“ будет бита. К генералам нет возврата. По его мнению, армию поведет за собою выходец из народа типа какого нибудь вахмистра, унтер-офицера...

От Казачьего Колонизационного Комитета.

Прагу посетил уполномоченный Американско-Славянского Треста г. Байкалов.

Во время беседы г. Байкалова с председателем К. К. Комитета выяснилось, что Правление Треста все еще ведет подготовительную работу в Америке. Закончены предварительные переговоры в Мексике.

При удаче, поселение на землю могло бы начаться через год.

Г. Байкалов сообщил, что предполагается созвать ряд конференций (пять — шесть) из представителей организаций, заинтересованных в колонизации. Казачьей конференции не предусматривалось, в предположении, что казаки пойдут на „чужие“ конференции.

Председатель К. К. Комитета заявил г. Байкалову, что если Трест думает работать и с казаками, то казачья конференция (с'езд казачьих представителей из разных стран) необходима. На такой конференции представители Треста познакомили бы казачьих представителей подробно со всем делом колонизации, а казаки установили бы степень своего участия в Тресте, равно свой риск и свою ответственность. Кроме того, на конференции была бы избрана специальная делегация от казаков для

поездки в Америку для детального ознакомления со всеми условиями и личного осмотра земель на месте. Ибо, только после такой поездки можно будет решить нам вопрос окончательно.

Если бы такие условия не были приняты, К. К. Комитет не мог бы рекомендовать казакам и само переселение.

Г-н Байкалов обещал сделать Правлению Треста соответствующее представление.

К сожалению, позиция К. К. Комитета в этом отношении ослаблена некоторыми казачьими организациями. Напр., „Казачий Союз“ в Париже (Н. М. Мельников) уже согласился (по заявлению Байкалова) пойти на „чужую“ конференцию. Силы казаков таким образом могут разбиться. Проиграют только казаки.

Что касается записи (составления списков), то запись ведется пока только предварительная, для учета числа желающих сесть на землю. Но, такая запись необходима. Не зная числа желающих сесть на землю, трудно вести даже предварительные переговоры.

В следующих номерах „В. К.“ К.К.К. будет помещать информации о работе Треста, о землях, намеченных к заселению, об условиях переселения и пр.

Казаки! Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.



Открыта подписка на 1931 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochova, 130. Tchecoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казакі!
Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.